

1914 ГОД: РУССКАЯ КУЛЬТУРА ПЕРЕД ЛИЦОМ ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА

В.П. Булдаков

Институт российской истории РАН

Аннотация: *Первая мировая война вызвала шок во всех европейских элитах. В России он проявил себя особенно болезненно в связи с разочарованием в культурном универсализме Европы. Наиболее остро это сказалось на восприятии главного военного противника — Германии. Последовали торопливые поиски истоков перерождения и вырождения германской культуры. При этом российские элиты продемонстрировали милитаристские психозы, характерные для всех воюющих стран. Вместе с тем, в российском образованном обществе усилились славянофильские интенции. В целом, война представлялась в апокалиптическом духе. Со своей стороны массы не понимали целей войны, хотя в их среде росла ненависть к «немцу». Культура российских верхов всё более расходилась с культурой масс. Все эти интенции нашли отражение в культурных перверсиях того времени. Одновременно во всех слоях росли предчувствия грядущей революции.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, патриотический подъем, культура, образы врага, неославянофильство, массовая культура, психология масс, революция.*

Мировая война стало шоком для европейских культурных элит. Российскому образованному обществу, поклонявшемуся «божеству» западного прогресса, ситуация могла показаться ещё более ужасной — был утрачен аксиологический ориентир. Историческая судьба России, в сущности, оказалось predeterminedена её реакцией на европейскую катастрофу. Этот феномен стоило бы разглядеть более пристально, чем это практиковалось до сих пор.

«Война империй» не случайно была воспринята в России как «война культур». Не только российским мыслителям, но и простым людям — имплицитно и эксплицитно — пришлось по-новому отвечать не только привычные вопросы: «кто виноват?» и «что делать? Предстояло осознать, что есть Европа, что такое Россия и куда двигаться последней, если культура первой предстала порочной в самых своих основаниях.

В данном случае речь пойдёт о культуре в наиболее широком смысле слова, как «совокупность энергий» (П. Флоренский). Суть проблемы можно свести к вопросу: потеряла ли Россия привычные культурные ориентиры, смогла она создать нечто качественно новое? Следы соответствующих исканий можно было разглядеть уже в самом начале войны, правда,

немногие тогдашние мыслители это замечали. Что касается современности, то немногие прозрения прошлого оказались и вовсе погребены под завалами старых и новых иллюзий.

Война вызвала невиданную в истории Европы вспышку массовых эмоций, связанных с патриотизмом. Нечто подобное наблюдалось и в России. Существует точка зрения, что доминировал «мотив правого дела», согласно которому «все российские граждане должны нести одинаковое бремя и что царь и правительство должны делать всё для армии» [Санборн 1999: 212]. Действительно, война обостряет ощущение *справедливости* (точнее, его архаичную составляющую¹). Казалось бы, на основе агрегированного эмоционального императива всеобщей самоотдачи, казалось бы, возможно было достижение более высокой степени «национального» (имперского, надсословного) единения. Но, в конечном счёте, произошло нечто противоположное. Почему?

Современные исследователи сомневаются, что достижение патриотического идеала могло состояться — и не только в России — в силу инерции крестьянской ментальности [Zielmann 2007]. Но не обнаружился ли в России попятный процесс — тотальное отчуждение от «непатриотичной» власти? Правда ли, что «межсистемное неустойчивое равновесие России начала XX в. разбилось о войну?» [Дьячков, Протасов 1999: 66]. Если так, то как скоро обозначился механизм этого процесса?

При описании «патриотического подъёма» первых военных месяцев почему-то игнорируется фактор так называемой негативной мобилизации — состояния, когда подспудно накопившееся *внутреннее* недовольство вроде бы находит «настоящего» врага — того зловредного «чужака», который «опрокинул» привычную жизнь. В эпоху глобальной неустойчивости страхи перед его демоническими способностями способны приобрести определяющий характер. Конечно, в России ощущение всеобщей опасности могло способствовать восстановлению доверия между властью и народом. Между тем *эмоциональные реакции* верхов на происходящее натолкнулись на страхи перед будущим, исходившие снизу.

Это лишь внешне походило на ситуацию в Европе — так к началу XX в. само культурное пространство подверглось мощной унификации. В России модернизационные процессы, напротив, развязали центростремительные силы. Как бы то ни было, скрытые агрессивные компоненты должны были, так или иначе, но повсеместно проявить себя. Однако легковесные «патриоты» не склонны замечать духовного наполнения социального бытия, меняющего течение большого исторического времени.

В современной литературе порой пишут также о патриотическом «настроении 1914 года» в России, как и в Европе охватившей все слои общества [Поршнева 2010]. Но стоило бы взглянуть в его внутреннее психоэмоциональное наполнение. Несомненно, что для человека, связанного по рукам и ногам бытовым конформизмом в течение многих десятилетий, сам по себе факт легитимизации насилия приобретал «освобождающий» характер. При этом кратковременная эйфория не могла не сомкнуться с глубинным страхом перед непредсказуемостью грядущих событий. Вряд ли справедливо будет утверждать, что это зыбкое состояние может служить индикатором истинно патриотического чувства. На месте последнего скорее мог обнаружить себя его эфемерный суррогат. Напротив, подлинный патриотизма по-своему уникален, ибо составляет часть, или даже основу, той или иной национальной культуры.

Как бы то ни было, культурно-антропологические различия становятся особенно заметными в переломные и переходные эпохи. Представляется, что наиболее эффективный, если не единственный, способ уловить их — сопоставление «универсальных» (якобы объективных) данных с источниками личного происхождения. Только так можно почувствовать «тонкую материю» исторического бытия, которая не просто пронизывает «всеобщие» процессы и явления, но и незаметно переводит их в русло «большой истории» с её «неожиданными» последствиями.

¹ В России это предполагало наличие тотальной установки на своего рода «мирскую обязанность», не допускающую ни для кого никаких отклонений [Тутолмин 2003: 401].

Войны, как и всякие экстремальные ситуации, либо стимулируют процессы обновления социальных организмов, либо приводят их к развалу за исторической непригодностью. То и другое — следствие агрегированных человеческих реакций на неожиданные вызовы времени, в ходе которых возникают новые конstellляции реального, воображаемого и символического со всеми вытекающими отсюда последствиями. Что же произошло в России в начале тотальной войны и почему? Эти вопросы имеют не просто академическое значение — история повторяется, причём повторяется с мстительной настойчивостью, словно напоминая, что над ней властвует тот или иной поведенческий архетип.

1. Истоки и лики европейской истерии

В современной историографии ответственность за развязывание по-прежнему возлагается главным образом на Германию, хотя многие авторы предпочитают этой теме не касаться [Mombauer A 2002: 202]. Возрождается представление о том, что войны можно было избежать [Киган 2002: 11; Angelow 2000; Schmid 2003]. За подобными допущениями стоит безвольный самообман, вполне изоморфный иллюзиям 1914 года.

В настоящее время термин империализм практически исчез со страниц исторических исследований. И напрасно — явления, описанные в «устаревших» понятиях, полезно пересматривать под новым углом зрения. Джон Гобсон в книге «Империализм», написанной в 1902 г., между прочим, заметил, что его исследование «определённо относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга» [Цит. по: Гобсон 2009: 17]. Привычка к «оптимистичному» переписыванию истории, минуя её психопатологию, всегда опасна для нашего осмысления современности.

С начала XX в. европейские народы жили ощущением неустойчивости ситуации. Это, помимо всего, провоцировало соблазн рывка вперёд — в том числе и через «освободительную» войну. Вудро Вильсон, будучи не только президентом, но и историком, отмечал, что война началась не по какой-то одной причине, она началась по всем причинам сразу. Сегодня эти причины стали более различимыми (хотя и не для всех): демографический бум привёл к «омоложению» европейского населения; промышленный прогресс убеждал во «всесилии» человека; соответственно возрастала эмоциональность, а заодно и агрессивная «безрассудность» социальной среды, не говоря уже об авантюристичности правителей. Сыграл свою роль и фактор социализации науки: учёные впервые попытались применить свои позитивистские практики к общественно-политической жизни. Произошёл своего рода эмоциональный перегрев европейской культурной среды — относительно «сытой», старающейся мыслить «рационально», но остающейся неустойчивой в социальном отношении. «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает её жертвой меняющихся настроений и предположений», — писал известный историк П.Г. Виноградов [Виноградов 2010: 438].

В российской церковной прессе проблему войны поднимали на историко-онтологический уровень. «Пожар европейский и мировой провиденциально неизбежен, — уверяли в „Церковном вестнике“. — Лживый европейский мир и не менее лживый европейский мир обречены на этот огонь... Европа уже давно превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманным покровом мирной буржуазной жизни». Православные авторы по-своему повторяли светских мыслителей [Церковный вестник 1914: 1040]. Последние, в свою очередь, пытались мыслить «религиозно».

Некоторые прозрения наблюдались и у «противников» России. Макс Шелер исходил из того, что человек — это «заболевшее своим духом животное» [Шелер 1994: 93]. Он полагал, что «буржуазная мораль, которая начиная с XIII века, всё больше вытесняет христианскую..., уходит своими корнями в ресентимент» (*Ressentiment*. — злоба, злопамятство, фр.) [Шелер 1999: 69]. Человек — это одновременно и существо верующее, разумное (*Homo sapiens*) и су-

щество, определяемое влечениями, в погоне за удовольствиями производящее всевозможные суррогаты (*Homo faber*) [Шелер 1994: 69]. По представлениям, навеянным кризисом эпохи Просвещения, «человек — это страх», который «ведёт к предельной воле к власти» [Шелер 2007: 89]. В общем получалось, что европейский человек начала XX в. должен сорваться либо в войну, либо в революцию.

Однако накануне войны в Европе получили преобладание иные настроения. Лишь позднее С. Цвейг признал, что «мир надёжности был воздушным замком». Пытаясь уловить причины срыва в войну, он писал: «Когда сегодня... задаёшься вопросом, отчего Европа в 1914 году низверглась в войну, то не находишь ни одной сколь-нибудь разумной причины, даже повода... Я не могу найти другого объяснения, кроме этого переизбытка силы — трагического порождения внутреннего динамизма, накопленного за сорок мирных лет и искавшего разрядки в насилии» [Цвейг 2004: 13, 160].

Действительно «мирная» Европа едва ли не со времён франко-прусской войны, то есть более 40 лет, балансировала на грани военного конфликта. При этом его причины казались расплывчатыми. Г. фон Мольтке 28 января 1913 г. писал начальнику австрийского Генерального штаба Хётцендорфу, что «...европейская война разразится рано или поздно, и то будет война между тевтонами и славянами...» [Богданович 2014: 31]. Формально европейское равновесие нарушил кайзер. Но нельзя не учитывать и оголтелого «милитаризма снизу», совершенно не считавшегося с реалиями [Förster 1985]. Характерный пример: 11 июля 1914 г. австрийского военного атташе в Сербии О. Гелленека, отбывавшего на родину, сербские офицеры провожали на границе криками «*Au revoir* в Будапеште!» [Богданович 2014: 34]. Между тем, не трудно было предугадать, что Сербии суждено стать первым кандидатом на заклание.

Вся Европа изменилась *духовно*. Любопытное впечатление накануне войны у российских наблюдателей оставила художественная выставка в Швейцарии: «С одной стороны, симпатии к бесцеремонной эгоистической силе, с другой стороны — чувство слабости, малосилия, уныния, бесцельности жизни. Этот двуполярный мотив почти неизменно сопровождает вас на всем протяжении художественной выставки» [Вестник Европы 1914: 239]. Подобные состояния обычно приводят к психическому срыву.

Бывают времена, когда старые страхи провоцируют волны новой агрессивности. К началу XX в. былая социальная предосторожность отступила перед иллюзией «всемогущества» человека. При этом «омоложение» населения и интенсификация миграционных процессов усугубили последствия возросшего социального неравенства. Информационная революция (пресса, телеграф, телефон, кинематограф), в свою очередь, привела к расхождению между реальным и умозрительным в сознании людей — иммунитет против пандемий разрушительных идей оказался ослаблен. Колониальный «перedel мира» вызывал растущие вожеления «опоздавших».

Привычный мир сделался «тесен»: сказывались и инерция имперского мышления, и шовинизм нарождающихся гражданских обществ, и национализмы малых народов, надеявшихся обрести свои выгоды от столкновения великих держав. Между тем правители продолжали мыслить по старым — квазифеодальным — геополитическим шаблонам, а европейские элиты всё настойчивее предлагали свои рецепты «усовершенствования» существующего мира. Сегодня очевидно, что всякая технологическая революция до такой степени уплотняет и усложняет информационное пространство, что люди, народы, страны, государства начинают вести себя «непредсказуемо». Экономисты доказывали, что военные столкновения в Европе непродуктивны из-за тесных межгосударственных финансовых связей, а политики заключали явные и тайные союзы против соседних государств. Среди простых людей росло ожидание грядущего «чуда»: то ли «маленькой победоносной войны», то ли «революционной бури».

В Германии предавались гегемонистским самообольщениям. Фельдмаршал Х. Мольтке-младший писал, что латинские народы уже прошли зенит своего развития, Британия пресле-

дует чисто материальные интересы, «одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении». Из ложной профетической посылки делался «практический» вывод: «Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий» [Цит. по: Уткин 2002: 165]. Другие военные пробалялись сочинением сценариев будущей войны. Так, в 1909 г. Л. фон Фалькенгаузен в книге «Большая современная война» подробно описал ход будущих военных действий на Западе — Россия оставалась нейтральной [Фалькенгаузен 1911]. В 1911 г. появилось сочинение Ф. фон Бернгарди «Германия и следующая война», обосновывающее «жизненную необходимость» войны для будущего Германии. Увидела свет и книга лейтенанта Г. Фробениуса «Роковой час Германской империи», в которой доказывалось, что «Франция охвачена ненавистью к Германии» и «что весной 1915 г. в Германию вторгнутся такие могучие армии, каких ни Европа, ни даже весь свет ещё не видали» [Фробениус 1915: 62, 79]. Примечательно, что автор полагал, что в ходе мировой войны Россия распадётся на «мелкие штаты». Вряд ли за подобными текстами стояли только персональные фантазии.

По части нагнетания ужасов войны всех, пожалуй, превзошёл французский автор П. Жиффар. Правда, действие его фантастического романа «Адская война» (1908 г.) было перенесено в крайне отдалённое будущее. Это была мировая война новейшей техники и «азиатских» жестокостей. Её исход определило китайское нашествие на Россию, а закончилась она изуверскими казнями европейцев в Москве, после чего автор, наконец, проснулся [Жиффар 1913]. Впрочем, французские военные склонялись к идее активной обороны [Алпеев 2013: 78]. При этом полковник А. Буше полагал, что надеяться на помощь России нет смысла [Буше 1912].

Тем временем в Германии заговорили о грядущем «омоложении» империи, об «очистительной ванне» войны, о необходимости «выведении шлаков» из имперского организма; в России вошли в моду художественные произведения, воспевающие смерть и разрушение как эстетическую реальность, сладострастное ожидание грандиозных событий проникало на бытовом уровне [Человек и война... 1997: 152–167]. Произвольно или непроизвольно люди подтверждали, что насилие запрягано в природе человека. Германский исследователь М. Залевски отмечает, что «в высокотехнологичный, научно организованный мир модернизма просочились самые древние антропологические прототипы, даже невиданные до тех пор атавизмы: опубликованные суждения о начале войны изобиловали такими метафорами, в которых речь шла лишь о жизни или смерти, о смелости или трусости, о надежде или отчаянии; это можно выразить одной фразой — всё или ничего» [Залевски 2008: 400, 401]. С такими эмоциональными состояниями трудно было совладать.

Начало войны было отмечено показным единодушием. Русские туристы сообщали, что в Германии ещё до объявления мобилизации двинулись воинские поезда, «на вагонах которых были нарисованы кости и черепа с надписями по-немецки „Нах Петербург“, „Нах Москау“ и „Нах Париж“...» [Никулин 1942: 316], в августе «солдаты без перерыва пели „Deutschland über alles“» [Мишагин-Скрыдлов 2007: 86], а в Лейпциге избивали не только подозрительных иностранцев, но «своих же офицеров — так мерещились всюду русские шпионы» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 15]. Шовинистические настроения подогревались газетчиками, сообщавшими о насилиях над немцами в России [Толстой 1997: 531]. (Со своей стороны русская пресса уверяла, что отечественная администрация относилась к немецким подданным, отъезжающим на родину, вполне корректно [Соловьев 1914: 4]). Первые пленные немецкие солдаты были убеждены, что это Россия напала на них; офицеры утверждали, что зачинщицей войны была Англия [Верховский 2014: 38, 39]. Из нейтральной Швейцарии сообщали: «Воодушевление в Германии очень велико, социал-демократы идут добровольцами, ...их органы имеют чисто националистическую окраску» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 22].

Современные историки сомневаются во всеобщем военном энтузиазме тех дней [Verhey 2006: 232]. Многие авторы отмечают чувство подавленности в различных слоях населения во всех странах [State, Society, and Mobilization... 1997: 225; Ferguson 1998: 177; Ziemann 2007: 19–23]. «Военный восторг 1914 г., если таковой вообще имел место, а не был только инсценирован и стилизован..., являлся в первую очередь проблемой интеллектуальной и поколенческой, — пишет М. Залевски. — Ветераны войны 1871 г., напротив, в большинстве своём были настоящими пацифистами...». Однако, «война оставалась для поколения, её не пережившего, выбором — наполовину пугающим, наполовину страстно желаемым... Эти люди спутали военную игру с войной» [Залевски 2008: 403, 404, 405]. Как бы то ни было, на фотографиях августовских дней 1914 г. в Берлине редкая, «буржуазного» вида толпа, сопровождающая войска, отнюдь не кажется восторженной [Erste Weltkrieg 1914–1918... 2014: 187]. Военный энтузиазм оставался уделом немногих — преимущественно образованной молодёжи. «Война, как дурман, опьяняла нас, — признал позднее Эрнст Юнгер. — Ведь война обещала нам всё: величие, силу, торжество» [Юнгер 2000: 35]. Отсюда характерные геополитические грёзы. Томас Манн так передавал суть «идей 1914 года»: «После Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир... Мир должен обновиться под знаком немецкой эры» [Цит. по: Руткевич 2012: 43].

На «обновление» рассчитывали и дряхлеющие империи. Для Австро-Венгрии война началась с манифеста «К моим народам», в котором престарелый Франц-Иосиф заверил подданных: «Я всё взвесил, я всё обдумал». Вслед за тем «военный энтузиазм» охватил не только города с немецким населением, но также венгерские, польские и хорватские крупные населённые пункты [Исламов и др. 2008: 430]. Впрочем, С. Цвейг отмечал, что хотя «вся Вена была словно в угаре», в основе массовых настроений лежал «первый испуг от войны, которой никто не хотел: ни народ, ни правительства» [Цвейг 2004: 180]. Прихода войны боялись, как результат, её начало вызвало «патриотическую» перверсию страха. Возникла хаотичная картина милитаристских и антивоенных настроений, доносов, а также поношений императора, идущих от низов и эмоционально взвинченных женщин [Мионов 2011: 19–20, 65–66].

Подданные Великобритании, казалось, были единодушны относительно целей войны. Пропаганда уверяла, что она призвана положить конец всем войнам [Marcuis 1978: 486]. Началась кампания, призванная рассеять прежние русофобские настроения. (Впрочем, как сообщали эмигранты, «некоторые англичане выражали сожаление, что они вынуждены воевать вместе с Россией, где полиция может делать всё, что хочет...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. С. 62а.]). В пропагандистскую кампанию активно включились университетские профессора. Их первый манифест, опубликованный 1 августа 1914 г., призывал правительство отказаться от войны, если она не затрагивает прямо британские интересы. Однако после вторжения немцев в Бельгию появился новый манифест, в котором был обозначен главный пропагандистский тезис: война идёт не с Германией науки и искусства, а с милитаризмом и экспансионизмом правящей юнкерской верхушки.

Российская пресса восторженно сообщала о наплыве в британскую армию добровольцев, среди которых было 42 тыс. лондонцев, включая членов аристократических клубов [Петроградские ведомости 1914, 12 сентября]. Патриотический подъём затронул и рабочих. В течение августа и в начале сентября 1914 г. в армию записалось около 500 тыс. человек, а к концу 1914 г. более 1 млн. британцев стали добровольцами. К лету 1915 г. в армию вступило около 2 млн. человек, после чего количество волонтеров стало сокращаться. Затем встал вопрос о всеобщей воинской повинности, которой не было в империи со времён О. Кромвеля [Прокопов 2008: 267–269, 285]. В январе 1916 г. в Великобритании перешли к системе воинского призыва.

Во Франции ждали *мировую* войну, которую по-своему провоцировали. В книге «Вторжение англичан в Германию» офицер французского Генерального штаба предсказывал высадку британского десанта в Европе (В 1912 г. книгу издали в Германии для обоснования англо-

французской угрозы). Не удивительно, что в августе 1914 г. разразился настоящий психоз. На парижском вокзале можно было наблюдать такую картину: «В 6 часов утра... поезд медленно отошёл от перрона. Неожиданно, словно пламя, вырвавшееся из дотопевших углей, грянула „Марсельеза“, заглушив слова последних напутствий... Неслись возгласы: „Да здравствует Франция! Да здравствует армия!“ Мы кричали в ответ: „До свидания! До скорой встречи!“» [Цит. по: Киган 2002: 88].

В августе 1914 г. во Франции социалисты и монархисты готовы были продемонстрировать «священное единение», при этом использовался туманный лозунг «Национальной обороны». Правительство воздерживалось от заявлений о целях войны, но негласно имелось в виду возвращение Эльзаса и Лотарингии, Германии предстояло отодвинуть свои границы на правый берег Рейна. Усилились симпатии к России. М. Волошин в письмах из Франции утверждал, что в «поголовной мобилизации» приняли участие культурные элиты и все классы населения [Волошин 1991: 134, 182–185]. Но были и характерные колебания. Социал-демократ В.П. Акимов-Махновец писал из Парижа, что на войну «ушли бодро и будут драться злобно», но многие рабочие говорили, что если бы социалисты взяли инициативу отказа идти на войну, они бы их поддержали. «Кроме интеллигентов, т.е. людей, диктующих свой авторитет красивыми словами, никто в Эльзасе не хотел войны, крови и разорения» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 100.], — утверждал он.

Примечательно, что культуре того времени обозначился своего рода суицидальный надрыз: грядущая смерть должна была придать смысл «бесцельно» прожитой жизни. «Блажен, кто пал за сторону родную, / Как полагается к лицу врагам», — утверждал Шарль Пеги, погибший 3 сентября 1914 г. в атаке на немецкие позиции. «Кто кротко умирал за край свой, — заслужили, / Чтоб вечно шла толпа молиться к их могиле» [Каннегисер 1914: 35], — писал друг С. Есенина Леонид Каннегисер, будущий убийца М.С. Урицкого. А британский поэт Уилфред Оуэн уверял «Сладка и прекрасна за родину смерть». Свою смерть он нашёл за неделю до перемирия.

Лишь позднее выдающиеся мыслители задумались над причинами тогдашних девиантностей. С. Цвейг писал: «Так мощно, так внезапно обрушилась волна прибоя на человечество, что она, выплеснувшись на берег, повлекла за собой и тёмные, подспудные, первобытные стремления и инстинкты человека — то, что Фрейд глядя в суть вещей, называл „отвращением к культуре“, стремлением вырваться однажды из буржуазного мира законов и параграфов и дать выход древним инстинктам крови... Было смешано всё: самоотверженность и опьянение, авантюризм и чистая доверчивость, древняя магия знамён и патриотических речей, — тому зловещему, едва ли передаваемому словами упоению миллионов, которое в какое-то мгновение дало яростный и чуть ли не главный толчок к величайшему преступлению нашего времени...» [Цвейг 2004: 181].

Но в августе 1914 г. всё виделось достойнее и проще. Л. Андреев писал: «Энтузиазм — вот то необыкновенное состояние, которым охвачены сейчас и армии, и целые народы, Где пресловутая холодность уравновешенных англичан? Где былая скаредная осторожность жизни французского мещанства? Где наша роковая нерешительность, где мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая волю?» [Андреев 1914: 66]. Возросла роль «всезнающей» прессы, моментально освоившей военную тему. Началась своего рода ротация «врагов» и «друзей». Так, российский патриотический журнал сообщал, что в берлинском университете одного русского студента бывшие друзья-немцы встретили «страшными ругательствами, плевками в лицо и криками: „Шпион, русский шпион!...“. Возвращаясь на родину, он «получил 14 ран от германских патриотов» и стал свидетелем того, как в Кенигсберге «избивали русских студентов-медиков» [Журнал «Война» 1914, № 1: 10]. Из Лейпцига сообщали, что «немцы все — от мала до велика — и особенно женщины — преисполнены патриотизма и уверены, что зададут нам (русским. — В.Б.) трёпку» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. С. 62а].

В России «чистая» публика вела себя сходным образом. В день объявления войны на Дворцовой площади собралась толпа численностью, как писали, в 50 тыс. человек. Бросались в глаза плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и славянство!». Когда император с императрицей появились на балконе Зимнего дворца «крик и порыв толпы был необычен, этот гул площади страшен и безумен, часть толпы опустилась на колени, другие махали зонтиками и шапками и кричали» [Пунин 2000: 61]. «Народ настроен серьёзно и религиозно», — записал в дневнике поэт Владимир Комаровский. Кинохроника зафиксировала подобные манифестации в Ростове-на-Дону, Красноярске, Екатеринодаре [Гращенкова 2005: 115]. Патриотизм некоторые простые люди не отделяли от верноподданничества. «Умру около своего 5-го орудия за Царя и Отечество и за Русь, Святую Веру» [Письма с войны... 2015: 111], — уверял неизвестный артиллерист 15 ноября 1914 г.

Лозунг «За Веру, Царя и Отечество» был мощной (и фактически единственной) мобилизующей силой в империи традиционного типа. Он базировался на «мирской», а не индивидуальной преданности власти и, тем более, не на основе профессиональной воинской чести. Однако спонтанные модернизационные процессы, распадение традиционных социумов и словно лимитированный рост гражданственности приводили к распадению российского типа патриотизма. К тому же, православно-патерналистские основания империи неуклонно теряли сакральность [Леонтьева 2002]. Но представителям интеллигенции казалось, что теперь простой народ испытывает такие же чувства, какие они сами. А.Н. Толстой утверждал, что народ, которого считали не только униженным, но и «просто пропащим», «внезапно поднялся на такую нравственную высоту, что повёл за собой города» [Великая война в образах... 1915: 7]. Увы, со временем представителям военных верхов пришлось признать, что в массах не было ни любви к родине, ни понимания опасности, грозящей стране [Верховский 2014: 96]. Деникин объяснял это тем, что «духовенству не удалось вызвать религиозного подъёма среди войск... вера не стала началом, возбуждающим на подвиг или сдерживающим от развития... звериных инстинктов» [Деникин 1991: 78–80]. Но проблема была не в духовенстве. Патриотизм должен был строиться теперь на иных — светских и гражданских в своей основе — принципах.

Либералы смотрели на войну по-своему. Осенью 1914 г. в Москве на собрании членов Общества Мира известный либерал кн. П.Д. Долгоруковым предложил резолюцию, в которой говорилось: «Германский милитаризм в интересах права и мира должен быть сокрушён окончательно. Россия, втянутая в войну, ведёт её против германского милитаризма, но не против германской народной культуры» [Вестник Европы 1914, № 11: 340]. Но этот лозунг звучал отвлеченно не только для народа, но и образованного общества.

Патриотизм либералов приветствовался далеко не всеми образованными людьми. 31 июля 1914 г. московскому городскому голове М.В. Челнокову за подписью «Русская женщина» было направлено письмо с выражением недовольства по поводу верноподданнических нот в его речи. В нем говорилось о том, что Николай II «с высшими офицерами, Распутиным и К^о» — главная причина «нашего внутреннего ужаса, нашей каторжной жизни» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 41, 40]. «Как же это дико, какая же это нелепость — все эти истерики „подъёма“, о „героях“, „серых богатырях“, — писали из Варшавы в декабре 1914 г. — Какое же это баранье стадо, это самое „человечество“» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 59 об.]. Но на такие признания отваживались немногие.

2. Война во спасение?

Для «застойной» империи всегда предпочтительна оборона. К тому же, Россия не была готова к войне. В феврале 1914 г. лидер правой группы Государственного совета П.Н. Дурново предупреждал императора, что в результате военного конфликта между Англией и Германией, который неизбежно перерастёт в мировой, главная тяжесть войны ляжет на Россию.

Выдержать её она не сможет и «будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению» [Дурново 1922: 187, 188, 196]. О революционных последствиях русско-японской войны, казалось, помнили все. О нежелательности военного столкновения с Германией предупреждали и другие правые [Кириянов 2001: 343]. Однако в основательность подобных предсказаний не хотели верить — отчасти потому, что европейские социалисты грозились остановить войну с помощью своих интернационалистских рецептов.

Наряду с социальными психозами немалую роль в эскалации милитаристских ожиданий сыграли «рациональные» соображения. Характерно, что и здесь сказались эмоции людей, которым, казалось, надлежало оставаться наиболее трезвыми по ряду своих занятий.

Дело в том, что ужасы затяжной «войны машин против людей» ещё не успели войти в сознание людей. Сама по себе перспектива длительной тотальной войны казалась абсурдом в силу её очевидной взаимной убыточности. К тому же кое-где, особенно в России привыкли считать, что славу Отечеству добывают «другие» — доблестные рыцари и «серая скотинка». «Едва отвернёшься от трагического лица войны (среди тяжело раненых и убитых), как снова с удивлением видишь это другое неожиданное, весёлое, ликующее, праздничное лицо той же войны, — писали в либеральной прессе [Вестник Европы 1914, № 12: 340].

Сама по себе перспектива потери, а не привычного наращивания, новых богатств казалась нелепой. Ещё сложнее было представить, что культурный универсализм Европы развалится под натиском оголтелых «провинциальных» национализмов. Хотя пророчества Маркса были широко известны, в условиях роста общественного богатства тогдашние социалисты в большинстве своем подсознательно склонялись к тому, что классовые противоречия могут быть сглажены реформистским путём. Тем, которые полагали, что всякое глобальное потрясение способно революционизировать массы ради прорыва в «светлое будущее», становились всё менее заметны.

Задолго до того, как прогремели первые залпы, в России обнаружилось более чем легкомысленное к перспективам грядущей войны. Появились даже своего рода адвокаты российской отсталости. Как известно, российская финансово-экономическая система базировалась на простейших принципах: бездефицитный бюджет, достигаемый с помощью косвенного налогообложения, и жёсткий «золотой стандарт» обеспечивали приток иностранных капиталов. С другой стороны, преобладание экспорта (главным образом сельскохозяйственного) над импортом создавало положительное внешнеторговое сальдо. Таким нехитрым способом создавался «золотой мост», по которому шли средства для ускоренной индустриализации. В таких условиях недостатка в «оптимистах» не было. Подполковник Генерального штаба А. Гулевич ещё в 1893 г. утверждал, что хозяйственный организм России выдержит бедствия будущей войны, как бы надолго она не затянулась. Правда, он признавал, что «будущие столкновения народов обещают быть весьма кровавыми» [Гулевич 1898: 179]. Этот «оптимист» был не одинок. Известный финансист И.С. Блюх, исходя из представления, что война нарушит международный товарообмен, полагал, что наибольшие потери от неё понесут развитые страны. И поскольку в связи с войной экспорт российских хлебов прекратится, последует падение цен на внутреннем рынке и страна будет купаться в продовольственном изобилии [Блюх 1893: 8].

С другой стороны, в войне виделся шанс на возрождение России. Известный экономист, член Государственного совета И.Х. Озеров незадолго до войны отмечал, что отечественная промышленность «обставлена массами пут», «совершается нередко промышленный маскарад», русские предприятия регистрируются «где-то в Берлине, во Франции или в Англии», так как в России для их открытия «требуется от 6 месяцев до года». При таких условиях «развивать производительные силы страны просто невозможно». И, «если мы не дадим свободы творчества русскому населению, то мы производительных сил у нас не разовьём» [Озеров 1915: 287, 290, 291].

Помимо надежд на победу над отечественной бюрократией, важное место заняла тема «немецкого засилья». «Война должна освободить нас, русских, от рабского и подчинённого отношения к Германии», — взывал Н.А. Бердяев. Философ имея в виду «духовную зависимость [Бердяев 1990: 25]. Но был и прикладной аспект темы. «Иго хозяйственное с давних пор было наложено на русских многострадальных людей немцами», — уверяла церковная пресса [Церковный вестник 1914, № 37: 1095]. Московская буржуазия особенно надеялась избавиться от германского засилья в машиностроении [Утро России 1914, 15 октября, 4 ноября].

По-своему символично, что о внезапно вспыхнувшем «чувстве национального единения» раньше и громче других заговорили столичные «Биржевые ведомости» [Биржевые ведомости 1914, 18 июля]. От них старалась не отставать московская пресса. «Война — начало новой эпохи в жизни Европы, новой страницы истории, на карту поставлена судьба великих народов Европы...», — писали «Московские ведомости». Газета уверяла, что даже старики не видели такого воодушевления в народе «с турецкой войны» и сравнивали ситуацию с 1812 годом [Московские ведомости 1914, 23, 25 июля]. На деле произошла своего рода вспышка веры во власть со стороны патерналистски обессиленного «общества», обладавшего размытым чувством личной ответственности.

На этом фоне либералы выдвигали задачу создания нации, как «духовно-экономического целого» через «очищение» войной [Гессен 1915: 589]. Получалось, что единственным средством избавиться от российского застоя оставалась война. «Надо сплотиться русскому обществу в целях экономического освобождения России, — считал Озеров. — Нам должно быть стыдно перед Богом и людьми, что мы, обладая такими естественными ресурсами, остаёмся в кабале у других стран» [Озеров 1915: 326]. Вскоре эта тема стала тиражироваться в прессе. «Уроки нашей экономической связи с Германией не могут для нас пройти даром, — писали «Русские ведомости». — Мы должны идти на экономическое сближение с Англией, но на началах, резко отличных от тех, которыми были проникнуты наши торговые отношения с Германией. Вместо начал экономического подчинения должны быть выдвинуты начала искренней взаимности» [Русские ведомости 1914, 7 октября]. Но было ли это возможно?

Системная причина российского «застоя» была в том, что вездесущая бюрократия ориентировалась на текущую конъюнктуру, а не на вызовы будущего. Она исходила из психологии насаждения *стабильности*, экономическая политика оставалась пассивно-охранительной. Отсюда подспудные надежды на то, что война создаст новую хозяйственную ситуацию.

Поражает «оптимизм» Блюха относительно перспектив будущей войны. «Во Франции и в Германии в случае войны возникнут протесты и возмущения», полагал он. Напротив, поскольку «в России огромное большинство населения ограничивается удовлетворением лишь самых насущных потребностей», то и невзгоды военных лет не особенно отразятся на её хозяйстве. Более того, «Россия, в противоположность положению Германии и Франции, не имеет повода опасаться социалистического движения... Нет повода опасаться излишней впечатлительности масс...» [Блюх 1984: 311, 314, 315]. Блюх, как экономист и успешный финансист, мыслил «рационально» — в соответствии логическими канонами позднего Просвещения, воплотившегося в «духе империализма». К подобному образу мысли склонялись все европейские образованные верхи. В России они по-своему усыпляли бдительность правящих классов.

Казалось, статистические данные не позволяли усомниться в военных успехах России. Среднегодовой сбор хлебов в стране в 1910 — 1913 гг. составлял 4,5 млрд. пудов, потребность населения и армии составляла 3 млрд. До войны ежегодно вывозилось до 680 млн. пудов, то есть 15% общего сбора. В войну вывоз должен был неизбежно свернуться. Откуда же было взяться продовольственной проблеме?

Феномен тотальной войны к тому времени не был осмыслен. Так, результат, в России не было выработано общего, детально проработанного плана снабжения армии. Управленческий

персонал «застойной» империи просто не умел действовать в экстремальных обстоятельствах. «...Наблюдая многих губернаторов, я отметил одну общую... черту: страх что-то упустить, страх выпустить малейшее из-под непосредственного своего наблюдения и влияния, страх упустить власть, — вспоминал один из немногих энергичных губернаторов [Друцкой-Соколинский 2010: 89]. Страх за свое «место» парализовал не только способность к деловой кооперации, но и к государственному мышлению в целом². Но главная причина управленческого коллапса заключалась в отсутствии понимания между властью и основной массой хлебопроизводителей — крестьянами.

Представления о финансовой стабильности также базировались на чисто бюрократической арифметике мирного времени: государственный бюджет подразделялся на «обыкновенный» и «чрезвычайный» — к последнему относились экстраординарные расходы на войны и ликвидацию стихийных бедствий или общественных неурядиц. В то время как «обыкновенный» бюджет неизменно сводился с положительным сальдо, расходы «чрезвычайного» бюджета вплоть до начала мировой войны неуклонно создавали суммарный бюджетный дефицит. Поэтому в экстремальных условиях (что вроде бы показывал опыт русско-японской войны) российская финансовая система, подобно насосу, начинала втягивать в себя внешние инвестиции. Масштабная война в связи с этим почти автоматически подрывала государственные финансы.

Соответственно этим установкам подготовка к войне велась неуверенно: стратеги не знали, чего ждать от хозяйственников и политиков. Но у молодёжи были свои предпочтения. «Быть участником мировой войны! Это счастье... — так изливал свои чувства в дневнике молодой офицер. — Ведь это опять начало героического эпоса в жизни почти половины народов Европы!» [Саянский 2014: 14] Российское общество вступало в войну с более чем противоречивыми настроениями. Но над всем довлело чувство личной безответственности, провоцирующее беспочвенные фантазии.

В конце 1914 г. вышла книга В.В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение». Н.А. Бердяев откликнулся на неё в «Биржевых ведомостях» статьёй с примечательным названием «О „вечно бабьем“ в русской душе». Розанов описал свое ощущение ничтожества от созерцания «нескончаемо идущую вереницу тяжёлых всадников», отправляющихся на войну. По мнению Бердяева, в Розанове проснулось и заговорило «вечно бабье в русском характере» — патерналистская система действительно вызывала именно такие реакции на страшные неопределённостью своих последствий события. Бердяева поразила «небывалая апология самодовлеющей силы государственной власти, переходящей в настоящее идолопоклонство» [Бердяев 1990: 38, 39]. Возникло впечатление, что Бердяев — это тот же Розанов, но только устыдившийся бесстыдно обнажившихся национальных слабостей.

Как известно, «общественное мнение» в России было представлено образованными классами. Они, в свою очередь, по-своему интерпретировали импульсы, исходящие от своего социального окружения, приписывая как верхам, так и низам понятный и удобный для них самих образ мысли. «Свой» собственный патриотизм, как и прочие социальные настроения и эмоции, казался эталонным.

При этом российский военно-патриотический порыв был внутренне амбивалентен. Знающие люди сознавали уязвимость империи. Близкие к верхам люди, считали, что «в последние пятьдесят лет перед войной Россия была тяжёлым хроником, хотя казалась здоровой и сильной», а армия не была готова к войне по причине «громкости и тяжеловесности бюрократической машины мирного времени» [Ненюков 2014: 209, 211]. Другие отмечали, что накануне войны железнодорожное хозяйство развивалось слабо, дороги работали с крайним

² Дело доходило до того, что уполномоченным по закупке хлеба для армии подчас приходилось конкурировать не только друг с другом, но и с представителями армии, сельской продовольственной части МВД, агентами земств и городов из нуждающихся в привозном хлебе губерний [Земский феномен... 2001: 153, 178].

напряжением, а с первых месяцев войны возникла «угроза в виде острого недостатка в топливе» [Кафенгауз 1994: 173, 175].

Патриотичные публицисты не желали всего этого замечать. В. Розанов уверял, что в военном порыве «дрожит напряжением русская грудь», готовая кровью отстоять освобождение славян [Розанов 2000: 255]. Увы, на фронте «патриотические» метафоры поблёкли. Уже в ноябре 1914 г. солдаты жаловались, что немцы воюют на броневиках, а наши голой «грудью». А некоторые офицеры писали, что им «больно за русские груди, противопоставляемые железу и свинцу» [Письма с войны... 2015: 117, 490]. Опасались и того, что «скоро война надоеет населению... наступит разочарование — нужно ждать внутренних осложнений, а по окончании войны и более серьёзного, может быть, чем в 1905 г. движения» [Толстой 1997: 574]. А тем временем российское правительство скоро встало перед угрозой финансового краха, о чем заявил в сентябре 1914 г. один из наиболее проницательных министров А.В. Кривошеин [Совет министров Российской империи... 1999: 66].

На этом фоне поразительно активизировалась церковная пресса. При этом она словно комментировала светских публицистов. Писали, что «страшный суд идёт», что «тевтонский зверь, истосковавшись по свежей крови, сбросил с себя чужое покрывало культуры, оскалил свои страшные зубы и смертоносно зарычал на весь мир». Вместе с тем, звучал призыв христиан к «великой жертве» [Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии 1914, № 9: 182]. Доказывалось, что тот факт, «что Россия борется за славянство, нисколько не противоречит тому, что Россия борется за подлинную, истинную культуру». Задача времени — «освобождение от чуждого гнёта». А пока мы «находимся в немецком плену, только этот гнёт не политический, а умственный, культурный» [Церковный вестник 1914, № 34: 1007]. Некоторые провинциальные авторы писали: «Народ не искал и не делал попыток отыскать новые пути для своего творчества... Для встряски, для воскресения народного творчества необходима была новая, яркая эпоха, которую с составила современная великая мировая война с „немцем“» [Фомин 1916: 28].

Как бы то ни было, спокойных и равнодушных, казалось, не осталось ни по ту, ни по другую сторону границы. И здесь, и там тон задевала молодёжь. На Балтике военные моряки, ожидавшие войны с Германией, приняли телеграмму о приготовлении к военным действиям за объявление войны и потому встретили её криками «Ура». Позднее Молодые офицеры не хотели ехать с Балтики на Чёрное море, так как опасались, что там военных действий не будет [Монастырев 2010: 63]. В воспоминаниях сестры милосердия упоминается молодой драгунский офицер, который также спешил успеть на войну. Он был убит в первых же боях [Семина 1963: 12]. А тем временем бывший премьер С.Ю. Витте восторгался: «...А какие молодцы русская молодёжь. Как умирают — мало сказать героически. Это мученики долга перед царём и отечеством. С такой молодёжью России предстоит великое будущее» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1725]. «Патриотическое» ослепление российских верхов особенно поражает на фоне последующих событий.

Тем временем война со стороны России разворачивалась скорее не «во имя», а «против». Так называемая негативная мобилизация лишена тех позитивных ценностей, которые могли привести к долговременной консолидации общества. Более того, иррациональная ненависть к трудно различимому врагу легко меняет направленность. А это означает, что утопический компонент массового сознания с лёгкостью обретает агрессивное наполнение.

Некоторые интеллигенты воспринимали патриотический порыв скептически. Тот факт, что «многие из журналистов ударились в ультра-патриотизм», объясняли просто: в век купли-продажи «всякое дело является либо ремеслом, либо коммерцией, не исключая отсюда и литературное мастерство» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 27 об.]. В свою очередь эмигранты уверяли, что в России не может быть такого воодушевления войной, как в Англии: «Разве Россия не могла бы дать 2 млн добровольцев» [Там же: Л. 22 об.]. На одной из фотографий, относящихся к началу августа 1914 г. видна колонна марширующих солдат с орке-

стром, параллельно ей движется конка, в стороне редкая толпа зевак, причём мальчишки и люди попроще движутся параллельно войскам, а «чистая» публика, сдерживаемых полицией, стоит на обочине. Энтузиазма не заметно. Ухмыляется лишь барабанщик оркестра, улыбается мальчишка лет 11–12 [Erste Weilkrieg... 2014: 10–11]. Тем не менее, популярные издания словно соревновались по части выражения восторга. Писали что «в Екатеринославе запасные, так спешили на сборный пункт, что трамвай, облепленный ими, едва не перевернулся». Публиковалось соответствующее фото [Огонёк 1914, № 34: 17]. На деле энтузиазм военный демонстрировала «интеллигентная и полуинтеллигентная толпа, которая всегда была далека от массы народной» [Верховский 2014: 30].

Менее чем через два месяца на столичный патриотизм стали смотреть ещё более критично. «Петроградским патриотизмом я мало доволен, какой-то скучный, официальный, — писал некий С.В. Каминский 15 сентября 1914 г. в Москву. Война как-то мало чувствуется. Даже газеты так жестоко сокращены, что мало из них поймёшь, а ещё меньше почувствуешь...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 44]. В Россию переставали верить. 30 сентября 1914 г. один студент-эмигрант сообщал, что готов вступить в бельгийскую и французскую армию, но в ряды русской армии вступать «считает невозможным», так она «защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже арестует... готовых сражаться за родину» [Иванов 1993: 191]. Анонимный автор писал из Милана 11 сентября 1914 г. А.Н. Фатееву в Москву, что амнистии из России не дождался, и потому хотел поступить во французскую армию. Ему было «грустно рассматривать развалины Интернационала» и ощущать «нестерпимый запах от воинствующего марксизма» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 17.]. Возможно, многие русские эмигранты старались поступить в союзнические армии не столько из патриотического порыва, как для того, чтобы не умереть с голоду.

Вера в «спасение войной» в России была изначально неустойчивой.

3. Война и общественность

Российские цели войны утверждались общественностью в контексте представлений о решающем столкновении противостоящих друг другу культур. «Наступили великие дни, когда на весах вечности взвешивается удельный вес уже окрепшей немецкой культуры и ещё грядущей, но уже с каждым годом крепнущей славянской», — писал известный экономист И.Х. Озеров [Озеров 1915: 302]. Но, в общем, эти цели формулировались соответственно идеологическим установкам: консерваторы подчёркивали идею противостояния славянства германизму; либералы предпочитали исходить из противопоставления права насилию.

Православная пресса возвещало начало войны в таких выражениях: «Начинается теперь иная следующая эпоха, ни имени, ни границ которой мы не знаем... Совершается суд Божий, а не суд человеческий... История мира неотделима от его эсхатологии...» [Церковный вестник 1914, № 30: 885]. Светские авторы пытались привнести в происходящее свой смысл. П. Струве уверял, что «война 1914 года призвана довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществив её имперские задачи и её славянское призвание» [Струве 1914а: 117]. Геополитика должна была обрести культурное измерение. Соответственно этому Н. Бердяев утверждал: «Буржуазный империализм с его духом своекорыстия чужд России и русскому народу. Всё насильническое в России было наносным, не подлинно русским... В священном империализме была заложена идея всемирного братства» [Бердяев 1914]. Со своей стороны С. Булгаков доказывал, что «самобытная» Россия призвана спасти себя и Европу от секулярно-буржуазного «новевропеизма» [Булгаков 1914: 113]. Трудно сказать, на чем основывался подобный «освободительный» мессианизм. Но, похоже, он подталкивался отчаянным ощущением внутренней несвободы.

Война пробуждала надежды на подъем внутренней социально-освободительной энергетики. М.К. Морозова, меценатка и издательница философского журнала «Путь», радовалась,

что «авторитет современного германизма рухнул» и полагала, что на его развалинах предстоит «воссоздать знамя настоящей, истинно религиозной русской культуры» [Взыскующие града... 1997: 592]. Интересно послание отправил Б.В. Савинков из Парижа 4 ноября 1914 г. З.Н. Гиппиус. В нем говорилось: «Я весь душой русский, всей душой я желаю победы России, значит победы Франции. Но для меня война не исчерпывается вопросом — кто победит. Это вопрос огромный и за Россию стоит, конечно, отдать свою жизнь, но есть вопрос больший, более глубокий, я бы сказал евангелический». Тех же, «которые занимают позицию „моя хата с краю“», он именовал «слепорождёнными», а тех, «которые как ни в чем ни бывало, едят, пьют, спят, ссорятся — ... гниющими мертвецами». «Если люди сейчас не поймут своей немощи, своей малости, своей зависимости от чьей-то верховной воли, то они не поймут никогда, — заключал он. — Они до конца дней своих будут пробавляться сором „логических рассуждений“» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 24].

Тем не менее, вряд ли можно было говорить о патриотическом симбиозе охранительных и освободительных идей: консерваторы и либералы продолжали опираться на собственные доктринальные установки. Представители военной верхушки мыслили практично. Начальник штаба верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич заявлял: «Мы потребуем себе после заключения мира Галицию и Восточную Пруссию, чтобы выровнять наши границы» [ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 530. Л. 16]. Но, разумеется, наиболее вдохновлял «главный приз войны» — черноморские проливы. По мнению обозревателей «Вечернего времени», «Чёрное море должно быть русским морем и выходы из него должны принадлежать Российской империи...» [Новое время 1914, 19 октября]. Разумеется, массам предлагалось объяснение попроще. В армии ситуацию объясняли так: русские заступились за сербов, а в защиту Австрии выступила Германия, которая, как только этого и желала [Первая мировая... 2014: 19].

Наибольший мобилизационно-патриотический эффект порождает, однако, ощущение угрозы, а не ажиотаж захватов. Отсюда всеобщее распространение образа агрессора. В популярных изданиях обычными были такие тексты: «Среди европейских народов завёлся беспокойный, кичливый и задорный сосед [который]... всем грозил и показывал кулак... Европейские народы принуждены были взять меч... Они должны побороть Германию, потому что Германия в противном случае проглотит их и превратит в своих рабов [Инсаров 1914: 242, 256]. Мотив «правого дела» предполагал наличие не менее справедливых союзников. «Три сильные державы — Франция, Россия и Англия, силою вещей сблизилась с тем, чтобы положить конец угрозе мира. В начале 20 века повторилось то же положение, что имело место сто лет тому назад, — говорилось в «Альбоме героев войны». — Тогда Европа объединилась против Наполеона, теперь она соединилась против Вильгельма...» [Альбом героев войны 1914, № 1: 5]. Школьникам предлагалась такая интерпретация происходящего: Франция и Англия подняли оружие в защиту прав человека, гражданина и народов, попранных Германией, они обнажили меч за самую культуру, над которой надругалась и которую принесла в жертву животному национализму Германия [Великая война России... 1914: 133]. В другом издании подчёркивалось, что Россия вместе с Францией, Англией, маленькой, но героической Бельгией и единой Сербией борется против необузданной алчности Германии и Австрии, стремящихся к порабощению всего мира, к угнетению всего остального человечества, не принадлежащего к немецким племенам [Россия борется за правду... 1914: 4].

Официальный, полуофициальный и неофициальный перечень эксплицитных и имплицитных «целей войны» был непомерно широк и противоречив. Та национальная идея, которая смогла бы лечь в основание патриотизма, смотрелась расплывчато. «...Кого бы ни спросил из нынешних крестоносцев, не получу исчерпывающего ответа о целях настоящей войны, — признавал Л. Андреев. — „Возрождение Польши, война против войны, борьба с империализмом и милитаризмом, воссоединение национальных единств, борьба христианства с язычеством, культуры материальной и механической с культурой живой и духовной“... Да, всё это входит в мечту, но не исчерпывает её. Она шире всех формул и либо нынче весь мир

безумен, либо близок свет, который должен воссиять» [Андреев 1914: 69]. Звучала и тема «исторического возмездия» агрессору. «Психологический почин войны, всего культурного сотрясения принадлежит Германии, — писали в этой связи. — Она шла в авангарде нашей Европы. От неё и спросится» [Северные записки 1914, Октябрь–ноябрь: 77].

Российская общественность словно соревновалась по части воображения. И это происходило вопреки тому, что Дж. Гобсон, автор, казалось бы, популярный, считал империализм продуктом «корыстных интересов» и предупреждал, что он обернётся «отказом от развития высших духовных качеств, которые, как у народа, так и у отдельного индивида», причём расплата за этот исторический грех будет «так же неизбежна, как закон природы» [Гобсон 2009: 286].

Российский «патриотизм» 1914 г. в отличие от патриотизма 1812 г. носил куда более агрессивно-гегемонистский, а не национально-оборонительный характер. И это было заметно по характеру общественной самодеятельности.

В России существовало немало различных салонов, клубов, обществ. Поначалу они строились по сословному принципу, затем к этому добавились различного рода светские благотворительные общества, а также корпоративные и профессиональные объединения образованных людей. Со временем спектр «общественной жизни» стал пополняться всевозможными организациями вспомоществования, кредитования, страхования и т. д. и т. п. В общем, это была «дозволенная самодеятельность». Власть разрешила населению почувствовать себя «патриотами». И тут же начались показательные демонстрации. Так, в известном артистическом кафе «Бродячая собака» состоялся первый вечер русской музыки. Сообщали также, что 9 ноября 1914 г. в помещении приюта Братства во имя Царицы Небесной известные деятели искусства открыли лазарет на 10 кроватей для офицеров и 58 — для нижних чинов. Появились «именные кровати» общества «Мира искусства», Товарищества передвижных выставок, Общества петроградских художников, журнала «Сатирикон», а также артистов придворного оркестра. Называли имена индивидуальных жертвователей: Л.Н. Андреева, Ф.И. Шаляпина, И.Е. Репина и даже покойных художников и артистов — М.А. Врубеля, В.А. Серова, В.Ф. Комиссаржевской. Для нижних чинов постарались Общество им. А.И. Куинджи, артисты Малого театра и участники оркестра графа Шереметева [Антонов 2014: 480–481].

5 декабря 1914 г. правительство утвердило устав «Общества 1914 года». В его состав входили представители различных слоёв, включая рабочих. Общество было призвано «содействовать самостоятельному развитию производительных сил России, её познанию и просвещению и освобождению русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли, от немецкого засилья» и «безответственных германских влияний» [Поршнева 2010: 193–194]. Между прочим, это общество обратилось к С.Д. Сазонову с «письмом неприличного тона», предлагающим тотальную очистку правительственных учреждений от лиц «немецкого происхождения». Подобных крикунов Сазонов самих считал «предателями», а также «гадостью и дрянью» [Совет министров Российской империи... 1999: 344].

Новые патриотические общества, как правило, находились «под присмотром» правительства. Так общество с литературно звучащим названием «Война и мир», находилось в ведении МВД. В Федоровском городке в Царском Селе размещалось Общество возрождения художественной Руси, претендующее на то, чтобы стать «островком русской культуры». Один из его руководителей известный правый деятель кн. А.А. Ширинский-Шихматов призывал бороться за «родную старину» путём распространения в народе знаний о русской истории и русском искусстве [РГИА. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 10, 217, 240, 249–253]. Среди членов общества, помимо нескольких великих князей состояли сахарозаводчик, археолог и филантроп граф А.А. Бобринский, министр А.В. Кривошеин. Члены общества намеревались заниматься собиранием памятников русского прикладного искусства, объявлять всевозможные конкурсы, в частности на мебель в русском стиле для общественных учреждений [Там же: Л. 214; Д. 16. Л. 1–18]. Здесь же в Федоровском городке расположился персонал Санитарного

поезда им. Александры Федоровны и лазарет имени великих княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. Федоровский городок должен был стать чем-то вроде «истинно русского» культурного центра, противостоящего «чужеродной» столице. Позднее в его деятельность были вовлечены такие деятели культуры, как В.М. и А.М. Васнецовы, Н.М. Нестеров, Н.К. Рерих, И.Я. Билибин, А.В. Щусев, С.С. Кричинский, А.М. Ремизов. По предложению Ширина-Шихматова предполагалось принять на службу К. Петрова-Водкина. По ходатайству С. Городецкого и Н. Клюева в санитарный поезд поступил С. Есенин. А по просьбе императрицы в распоряжение Ломана был вызван сын Распутина Дмитрий [Попов 1999: 119–120].

В 1915 г. возник Отечественный патриотический союз. Среди 25 его учредителей преобладали чиновники, почётные граждане, но было также 5 крестьян и 3 мещан. Впрочем, обилие деятелей по железнодорожному ведомству не оставляет сомнений в том, что союз затеял министр путей сообщения С.В. Рухлов. Союз был призван «содействовать объединению русских людей всех сословий и состояний для мирной работы на благо Отечества на нераздельных исконных русских началах: Православия, Неограниченного Царского Самодержавия и Русской народности». Заодно выдвигалась задача предотвращения «революционной смуты в России, содействие устройению церковно-приходской жизни». Немцы в союз не допускались, прочие инородцы получали шанс стать «патриотами» по особой рекомендации [Устав общества... 1915: 4–9, 13].

Получили известность общества «За Россию» и «Национальное кольцо». Некоторые патриотические организации решали сугубо практические задачи. Так, Общество памяти воинов Русской Армии, павших в войну с Германией-Австрией и Турцией осуществляла надзор за состоянием кладбищ. Однако преобладали «славянские» и «союзнические» общества: Союз Чешских обществ в России, Общество Английского флага, Общество сближения с Англией и т. п. Возникло даже Общество обновления русской семьи, которое ставило своей целью восстановление и укрепление расшатанной русской семьи на религиозно-нравственных и хозяйственных началах [Совет министров Российской империи... 1999: 344; Борщукова 2013: 34]. Некоторые ранее существовавшие общества поменяли профиль своей деятельности. Так, Общество им. А.И. Чупрова занялось изучением проблемы дороговизны и сбором сведений о влиянии войны на крестьянское хозяйство [Тропов 1999: 87]. В августе 1914 г. при самарском комитете Земского союза по инициативе начальника Самарского жандармского управления полк. М.И. Познанского был организован велосипедно-санитарный отряд для перевозки раненых. Записались около 100 велосипедистов, в основном из числа учащихся [Семенова 2004: 56]. И, разумеется, активизировались всевозможные радетели народной трезвости.

Вместе с тем, возникла идея наряду с внешним врагом одолеть застарелые внутренние недуги. «...Тогда на родной земле будет хорошо жить, когда немец и водка будут уничтожены», — взывал с церковного амвона епископ Енисейский и Красноярский Никон [Енисейские епархиальные ведомости 1914, 1 октября]. Увы, кампания по «уничтожению» водки обернулась вакханалией всевозможных суррогатов. Сообщали, что 21 августа 1914 г. в столице умер от отравления денатурированным спиртом 44-летний сапожник Василий Жаров, а позднее 34-летняя Александра Игнатович, «будучи в подпитии», выпила флакон одеколона, в результате чего скончалась по дороге в больницу [Антонов 2014: 361, 491]. В провинции неуклонно распространялось самогонварение. Обыватели ворчали: «Зачем было запрещать пиво, акцизы с него небольшие, пиво — противовес монополюшке и неизбежным суррогатам» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1531]. В конце года высказывались и более суровые мнения. В частной переписке сообщали, что «все москвичи ополчены, но не на немцев, а на правительство», ибо «сейчас злоба дня — пьянство». Прокатились слухи, что «разрешат виноградное вино 15 гр. алкоголя». А сейчас у «несчастливых» людей, не привыкших к трезвости, просто «животы подвело», об этом «все твердят от мала до велика, от епископа и губернатора

до дворника и городского» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2007]. В армии возмущались офицерами, которые «пьянствуют и баб имеют» [Письма с фронта... 2015: 537].

Тогдашняя патриотическая пресса уверяла, что с началом войны восстановилось единение царя с народом. Это выглядело сомнительно. В сознании масс доминировал «мотив правого дела», согласно которому «все российские граждане должны нести одинаковое бремя и что царь и правительство должны делать всё для армии» [Санборн 1999: 212]. Вряд ли самодержавная власть способна была удержаться на высоте таких представлений. В первую поездку на фронт император отправился лишь 19 сентября 1914 г. Долгожданный визит императора в Тверь откладывался, а тем временем было истрачено немало денег на украшение города, «заготовлено три тысячи электрических лампочек для иллюминации, арка, железные фигуры и вензеля» [Записки сестры милосердия... 2014: 22].

Вера в полководческие способности императора также не находила подкрепления. Некий 34-летний мещанин из Стародуба заявил: «Вот Вильгельм победит, потому что у него сыновья в армии, и он сам в армии со своими солдатами, а где нашему дураку ЦАРИЮ победить... Он сидит в Царском Селе и переделывает немецкие города на русские». Ветеран Русско-турецкой войны, 62-летний неграмотный крестьянин Курской губернии высказался так: «Как мы воевали, то с нами на позициях был сам ГОСУДАРЬ с Князьями, мы тогда брали и побеждали, а этот ГОСУДАРЬ не бывает никогда, только гуляет в саду с немцами...». Киевский купец Бродский полагал, что «государь император должен был из Петрограда в Варшаву, а поехал кругом, вот сукин сын» [Колоницкий 2010: 103–104].

Очевидно, массовому сознанию не хватало ощущения духовной близости с царём, лично ведущего к победе, а не ограничивающегося ритуальными смотрами и раздачами наград. Довольно слабое впечатление о себе Николай II оставил во время посещения Тифлиса, хотя официальные лица восторженно описывали его визит [Джунковский 1997: 457–461]. Одна грузинка на рауте спросила государя, когда будет в Тифлисе открыт политехникум, и получила ответ: «Когда это дело пройдёт через законодательные учреждения». Разочарованная дама по наивности произнесла: «Какие там законодательные учреждения — прикажет государь и будет». Николай II смутился. В нем хотели видеть волевое начало, но его не было заметно. Представитель общества «Кахетия» пытался объяснить царю, что «сухой закон» разоряет Кахетию, но также оказался разочарован: «...Государь царствует, но не управляет» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 42 об.]. Не случаен в связи с этим культ (объективно незаслуженный) Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича.

Философ И. Ильин надеялся, что война вызовет в русском народе расцвет духовных сил, ибо решается вопрос о том, «...будет ли он и впредь существовать как духовно живой и духовно творящий... или же перед ним начало разложения, пассивности и гибели» [Ильин 1995: 78]. Вряд ли «человеку из народа» были бы понятны подобные заклинания. Тем не менее, в сознании интеллигенции они соединились с такими заимствованными на Западе формулами как «война против войны», «последняя война», «война без победителей и побеждённых», наконец, «война без аннексий и контрибуций» и «войной за освобождение порабождённых малых народностей» [Милюков 2001: 484]. И мало кому приходило в голову, что в России эта странная амальгама может обернуться коминтерновскими утопиями.

Иные провинциальные интеллигенты исходили из того, что война — это «великий закон необходимости, такой же необходимый, как смерть». Сказывалась противоречивая смесь рационализма и романтизма: «Только война и смерть приводят к истинному равенству между людьми. Только война и смерть возвышают... Сколько высоких чувств поднимает война!..» До войны жизнь была «без божества, без вдохновения», поэтому необходимо было нас встряхнуть, «открыть глаза на мерзость нашей жизни», «всколыхнуть проклятую плесень застоявшегося болота». Говорили и о том, что в результате войны проснется «душа народа», «наступит пробуждение», в результате которого появится «народ-великан. Народ Толстой... Сила, здоровье и красота... И свобода, свобода!..» Утверждали, что «войны будут всегда!..»,

но «подлой войны не должно быть, а хорошая, честная война необходима», ибо она «развивает скрытые запасы энергии» [Вестник Европы 1914, № 11: 121–122, 124, 129]. Некоторые молодые офицеры записывали в дневнике: «Вот она!. Война, которую ждали так долго. Долго она висела над нами. Ну, что же, чем скорей и сильней страхнём мы её с плеч России, тем лучше...» [Саянский 2014: 8].

Впрочем, представители старшего поколения смотрели на происходящее более трезво. Даже офицеры запаса вовсе не горели желанием сразиться с врагом. «Мобилизация отнюдь не проходила „образцово“, военнообязанные из запаса вынуждены были стоять в очереди несколько дней; мечтали при этом „устроиться“, — писал 40-летний прапорщик-артиллерист запаса 1902 г., добавляя, что все понимали, что в случае гибели на фронте, семья обречена на нищету. Он признавался в своем «полном отсутствии патриотизма, который десятками лет искоренялся из русской души...» [ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 3–5, 10–11].

Некоторые представители нерусского населения высказывались куда резче: «...Лично бы мне хотелось, чтобы Россия получила нахлобучку. Она того стоит: и за погромы, и за процесс Бейлиса, за черту оседлости, за гнёт и гонения, за еврейские муки и за наши слезы... Но мне кажется, этого не будет: слишком сильной она стала, имея таких союзников, как Англия и Франция... Ещё много испытаний придётся перенести нам, Ну а пока Пуришкевич целуется с евреями: какое это знамение времени, какой удивительный парадокс... Смешно и вместе с тем трагично» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 40]. В другом письме (вероятно, также еврея-ссыльного) из Иркутской губернии говорилось следующее: «Я никак не могу понять, что двигало теми толпами евреев, которые манифестировали с портретами царя, падали на колени перед Зимним дворцом по объявлении мобилизации... 9 лет назад убивали и грабили во всей России евреев. Как можно вообще это забыть и так скоро!.. Противно читать все эти кадетские газеты... Если бы... все эти молитвы о даровании победы и манифестации в честь русского правительства совершались с корыстной целью — получить потом (не права, а подачки) воздаяние, то ещё гаже, ибо гаже лицемерия и лжи ничего нет» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 28–28 об]. Подобные настроения были созвучны голосам с фронта: «... Кое-что говорит за то, что после войны не будет мира внутреннего; возможно, что наши верхи будут, и очень сильно, сопротивляться в исполнении своих обещаний по воззваниям» [Письма с войны... 2015: 638]. Но пока шовинистическая истерия доходила до того, что некоторые эсеры несли на демонстрациях портреты царя, оправдываясь тем, что «время такое». Проницательные люди считали, что действует феномен «рабства времени», порождающий «шовинизм невежества» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1728]. Впрочем, в любом случае страсти верхов не могли глубоко затронуть сознание низов.

Газеты писали о «решимости», с которой призывники отправлялись в армию, однако очевидцы описывали ситуацию иначе. «Начну с настроения... мобилизованных рабочих и крестьян, — писали из Екатеринослава. — Об энтузиазме речи быть, конечно, не может, даже прыткие корреспонденты и сотрудники „Русского слова“ черпают свой энтузиазм скорее в редакционных комитетах, чем от общения с восплававшей патриотическим гневом толпой...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 48]. В письмах из провинции встречались такие наблюдения: «Сначала здесь мужики с большим неудовольствием шли на призыв, даже бранили Государя, говоря, что вот, они идут на войну, а их семьи остаются без работников, голодные и „сирые“». Но когда им был прочитан Манифест, дух призывников вроде бы поднялся [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1104]. Но встречались и другие свидетельства о событиях. Из Воронежа некая Абрамова писала в редакцию «Русской мысли»: «Я до сих пор не могу забыть первых дней мобилизации. Громадный Митрофановский монастырь был полон солдатами и их жёнами. Читали манифест. Бабы плакали. Солдаты истово крестились и стучали лбами об пол. Так было утром, а вечером в местах расквартирования «воинства» слышались мех, крик, точнее грязная ругань... Всё было грубо, цинично и непонятно...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 36].

В любом случае энтузиазм — показной или искренний — спадал при соприкосновении с тяготами войны. Некоторые офицеры, повоевав 3,5 месяца, признавались, что «не в силах больше слышать оружейной стрельбы» и потому мечтают устроиться «в штабе действующей армии, лишь бы не в строю» [Письма с войны... 2015: 115]. Других возмущало происходящее в ближайшем тылу армии: «Где возможно только достают напитки, идут карты, приставание к женщинам, насилия над ними... Никакого оправдания этому не нахожу...» [Там же: 574]. В самом начале 1915 г. в письмах с фронта можно было обнаружить и такое: «Не хитрая штука нашему брату воевать. Дали винтовку — стреляй, бей. За что? — спрашивается? К чему разжигать животные инстинкты?» [Там же: 639] Подобные впечатления, конечно, были порождены гипертрофированными впечатлениями от несоответствия ожидаемого реальности. Но настоящая деморализация была впереди.

С самого начала войны получил преобладание фактор так называемой негативной мобилизации — люди объединялись не ради общей цели, а против общего — пока внешнего — врага. Такая ситуация социально взрывоопасна: вектор агрессии может сместиться и начаться поиск внутреннего «виновника неудач».

4. Новые образы «врагов» и «друзей»

Российские либералы не случайно пытались исключить Германию из европейского культурного пространства — сказывалось тяготение к «идеальному» Западу. «Ни воля, ни ум немецкий — почти до последнего времени — не были причастны к делу европейской цивилизации, — писали в прессе. — Германский дух был занят внутренним человеком, его творческими способностями, подчинением мира вещей, мира естественной необходимости организаторским притязаниям человеческого ума и человеческой воли» [Северные записки 1914, Октябрь–ноябрь: 53]. Теперь требовалось доказать, что Германия изначально воплощала в себе всё порочное, что противостояло изнутри европейской цивилизации. «Казалось невероятным, чтоб в Европе нашлись сумасшедшие, которые пожелали бы разрушить все успехи мирового прогресса, достигшего, казалось, апогея, — писал один из мемуаристов. — Мы приписывали это безумие Кайзеру. Это была грубая ошибка. Это безумие охватило весь германский народ, и начало болезни надо искать ещё сто лет назад» [Беляев 2010: 177]. «Мы вправе презирать прусаков за всё совершенное ими», — заявлял В.Я. Брюсов [Русские ведомости 1914, 12 октября].

Вместе с тем, в «патриотических» нападках на немцев возникали нестыковки. В церковной печати подчёркивали, что в основе культурного вырождения Германии лежит «тот гнилой принцип вооружённого мира или прогрессивного милитаризма, который стал во главу угла всей военной науки тевтонов» [Церковный вестник 1914, № 37: 1093]. Будущий академик Ухтомский был не столь категоричен. Он утверждал, что немцы стали жертвой того господствующего понимания «цивилизации» и «культуры», согласно которому весь прогресс сводится к удобствам городской жизни обывателя. «Это культура авиации, мотоциклетов, спорта, промышленности, комфорта, ватерклозетов... словом культура исключительно материального человеческого быта при очень последовательном, систематическом игнорировании христианского понимания культуры и прогресса, как великого нравственного труда личности над собой», — писал он [Кузьмичев 2000: 59]. Перечень «пороков» немецкой культуры казался поистине безграничен и столь же противоречив: милитаризм соседствовал с филистерством, бездуховность с метафизикой и т.п. Создавалась впечатление, что русская интеллигенция попросту проецирует на «немца» свои собственные слабости и комплексы [Плотников, Колеров 2010: 26–58].

Во всех европейских странах происходил разрыв с прежней культурой — культурой Просвещения. С. Цвейг по-своему представил вырождение патриотических чувств в Австро-Венгрии: «Чистый, прекрасный, жертвенный энтузиазм первых дней постепенно превращал-

ся в оргию самых низменных и самых нелепых чувств... Светские дамы клялись, что... не вымолвят ни одного слова по-французски... Помешательство становилось всё более диким...» [Цвейг 2004: 189]. Нечто подобное происходило и в российском образованном обществе. В либеральной прессе можно было встретить такое представление о психологии современного «тевтона»: «В самосознании современного германца темп и масштаб современной культуры сливаются с темпом и масштабом военно-политического развития родины; этим двойным слиянием и определяется напряжённость этого национального самосознания, угрожающая другим странам Европы... Так неразрывно сливаются в сознании современного германца... культурный пафос и слепой шовинизм...» [Северные записки 1914, Август–сентябрь: 30]. В ряде случаев извечное недовольство «русофобией» Запада получало антиреволюционное и шовинистическое воплощение. Так, П.Б. Струве уверял, что «антирусское настроение всего ярче проявляется именно в радикальных и народных элементах Германии и... коренится... во всем отношении к России и русским» [Струве 1914б: 190].

Тема вырождения немецкой культуры — культуры, давшей миру великих мыслителей и поэтов — становилась ведущей. «Германская культура однобока, уродлива, как больной человек, имеющий горб и скрывающий его за многой и пышной одеждой и довольным выражением лица, — писали в «Церковном вестнике». — Страна мировой философии, поэзии и науки, не чтущая своих отечественных „пророков“... обратилась в антиподов их — в поборников крови и железа». Доказывалось, что «ценность немецкого просвещения теперь предстала во всем своем безобразии» [Церковный вестник 1914, № 37: 1093]. «Удивительнее всего та лёгкость, с какою кровавый психоз Вильгельма II и его приближенных был усвоен широкими кругами немецкого населения и почти всей германской прессой..., — писали в либеральном журнале. — Немцы серьёзно уверовали в необходимость покончить с Россией...» [Вестник Европы 1914, № 9: 355].

Не удивительно, что тема немецких зверств стала ведущей в российской пропагандистской литературе. Поначалу использовались впечатления туристов, застигнутых войной в Германии. Сообщали, что в Бреславле жандармы избивали их и отправляли в тюрьму, где три дня держали без пищи свыше 500 женщин и детей. Некий купец А.А. Киппер рассказывал, что одна дама, спешившая на поезд с 10-месячным ребёнком на руках, нечаянно толкнула немецкого жандарма. Тот вырвал у неё ребёнка и бросил его в толпу. Толпа насмерть затоптала ребёнка, мать помешалась, в Копенгагене её поместили в психбольницу. Широко эксплуатировалась тема издевательств и насилий над женщинами. В стихотворной форме рассказывалось, как пьяные немецкие офицеры изнасиловали малолетнюю «паненку» [Свенцицкий 1914: 21]. Писали и о том, что русских женщин постоянно обыскивали немецкие офицеры, заставляя раздеваться догола. Рассказывали о случаях изнасилования русских девушек, даже малолетних, немецкими офицерами. Приводился рассказ о том, как австрийские офицеры совершили гнусное насилие над 16-летней русской девушкой в туалете поезда, после чего она сошла с ума. Назывались конкретные имена пострадавших: гр. Воронцова-Дашкову с дочерьми, графинь Шереметьеву и Демидову, г-жу Победоносцеву, гр. Орлова-Давыдова. Среди пострадавших оказывались и лица с нерусскими фамилиями — шталмейстеры барон Вольф и барон Кнорринг [Журнал «Война» 1914, № 1: 4–7]. Столичный городской голова сообщал о «тысячах состоятельных людей», которые возвращались на родину «нищими и даже полуголыми» [Толстой 1997: 530]. Сомнительно, однако, чтобы страдания богатых путешественников, да ещё с немецкими фамилиями, непонятно зачем отправившихся во «враждебную» Германию, впечатляли низы.

Особенно муссировались рассказы о зверствах в польском городе Калише. У многих немецких солдат, по большей части этнических поляков, завязались дружеские отношения с местным населением: их угощали пивом, вели беседы по-польски. Затем солдат-поляков заменили саксонцами. По ошибке один немецкий отряд обстрелял другой. Майор Проyster обвинил в обстреле местное население, на которое была наложена контрибуция в 50 тыс. ру-

блей. Затем по указке шпионов были публично расстреляны курьеры магистрата, акцизный чиновник, казначей Е.Н. Соколов. Была предпринята бомбардировка города из пушек, солдаты стреляли в окна домов. Кроме мирных жителей было убито (предположительно «польскими дружинниками») 8 прусских солдат, ещё 43 солдата были ранены. В ответ немцы арестовали то ли 850, то ли 3000 человек, которых 40 часов продержали без воды, угрожали расстрелом, а затем «помиловали», вынудив кричать: „Hoch Kaiser!“, „Deutschland über alles!“ Разнеслась весть, что немцы убили еврейского раввина и его старшего сына, сообщали также об аресте протоиерея Семеновского и католического ксендза — глубокого старца. А в стенах Ченстоховского Ясногорского монастыря немцы устроили безобразную оргию [Журнал «Война» 1914, № 1: 10–13].

Тем не менее, в «бесчинства тевтонов» верили не все. Некоторые отказывались брать в руки газеты, увидев оглавление «зверства немцев». Говорили, что «омерзели все газеты за их ложь и иезуитское фарисейство» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 26]. Были и такие, которые призывались «сдаваться немцам, потому что они культурны»³. Впрочем, как признавала церковная пресса, со временем «к зверствам присмотрелись и перестали удивляться» [Церковный вестник 1914, № 45: 1355].

Рупором германофобии стало столичные «Новое время» и «Вечернее время», непосредственно связанные со Ставкой. У либералов (не столько партийных, как естественных) их суррогатная идеология вызывали отвращение. «Эти два, с позволения сказать, органа печати... заняты провокацией по отношению ко всему немецкому», однако власть готова считать их за «выразителей „общественного мнения“ „лучшей“ его (понимай: охранительной) части общества». Напоминали, как те же газетчики «ползали на животе перед Вильгельмом и немцами, глубокомысленно предостерегая от увлечения „насквозь прогнившей и ожидавшей Францией“ и „коварной Англией“». В те недавние времена Германия была для них «самой передовой и разумной нацией», Вильгельм был «на манер гения» [Толстой 1997: 560–561]. Впрочем, либеральная пресса старалась быть объективной. Так, сообщалось, что К.С. Станиславский, которого война застала на пути от Мюнхена к швейцарской границе, отметил резкие переходы настроения немецкой публики от бешенства к спокойствию, от злобы к добродушию. Ему казалось, что толпа пребывала в состоянии гипноза; «ей везде мерещились шпионы, минутами она была готова растерзать мнимых злодеев — минутами приходила в себя, стыдясь своего бредового порыва» [Вестник Европы 1914, № 10: 324].

На фоне немецких жертв — выдуманных и реальных — постоянно подчёркивалась незлобивость русского солдата. В популярных журналах публиковались рисунки, на которых «великодушный серый герой утоляет смертельную жажду раненого немца» [Огонёк 1914, № 35: 1]. В изданиях пропагандистского Скобелевского комитета подчёркивались «мужество, патриотизм, самоотвержение, и, как лейтмотив, незлобивое, христиански-великодушное отношение к врагу», характерное для русского солдата [А.К. 1915: 5]. Российский шовинизм был амбивалентен. И. Ильин уверял, что война «создаёт возможность взаимного понимания и доверия, она вызвала нас на щедрость и пробудила в нас доброту» [Ильин 1995: 69]. Популярный журнал опубликовал рисунок: солдаты в вагоне окружили пленного немца, трогали его, удивлялись хорошему качеству его обмундирования, затем стали угощать. Сцену комментировали так: «Какая разница между этим человеческим отношением и варварским обращением будто бы культурных немцев к русским!» [Огонёк 1914, № 33: 7]. Увы, тем временем одни русские солдаты отмечали, что «на немцев и евреев ужасно злы», другие с удовольствием сообщали об австрийцах, которых brave дагестанцы оставляли с «начисто отбритыми головами или с разрубленным пополам туловищем» [Письма с войны... 2015: 107–108]. Вопреки интеллигентским иллюзиям, война всё чаще оборачивалась своей неприглядной стороной.

³ Такие слухи в сентябре 1914 г. распускал некий Захария (Шакро) Леванович Хибирбеков, бывший студент [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 20].

Конечно, образы «незлобивога» русского солдата смотрелись сомнительно. Ф. Кафка записал в дневнике рассказ своего родственника: казаки захватили в плен командира — капитана, а на следующий день его «нашли в лесу голым, проткнутым штыками». Предполагали, что его хотели обыскать и ограбить, но он — офицер ведь! — воспротивился [Кафка 2009: 308]. Рассказ выглядит правдоподобно: за казаками числились и не такие деяния, причём против мирного населения [Булдаков 2010: 100, 102–104, 112; Письма с фронта... 2015: 334, 335, 336, 637]. Но в пропагандистских изданиях они выглядели миролюбиво: на рисунке С.В. Житловского был изображён казак, играющий с немецкой девочкой. Тем временем немецкий мальчик в его фуражке красовался на коне, а из дома за этой сценой с изумлением наблюдают немецкие женщины [Огонёк 1914, № 3: 5]. Был опубликован рассказ «Казак и немец»: пленный немец панически боится, что казаки его казнят, а казаки добродушно посмеиваются над «трусом» [Журнал «Война» 1914, № 15: 10].

Другая составляющая облика немца-врага — пьянство. Широкое распространение получили слухи о том, что немцы сознательно спаивают русских солдат. Они имели под собой основание. В воспоминаниях встречаются указания на то, что в 1914 г. в Восточной Пруссии в некоторых городках все «магазины кроме питейных закрыты», а жители «предлагали солдатам спирт» — естественно, некоторые солдаты напивались» [ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 428. Л. 11].

Война породила невиданный феномен шпиономании во всех воюющих странах. В либеральной печати сообщали, что «болезненный страх шпионства получил характер какой-то психической эпидемии, охватившей население одновременно в Германии и Австрии...» [Вестник Европы 1914, № 9: 156–157]. В России происходило нечто подобное. Разумеется, среди «русских немцев» шпионы были. Так, если верить воспоминаниям одного контрразведчика, в Финляндии германским шпионом оказался представитель фирмы Зингер [ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 377. Л. 347 (воспоминания Д. Казанцева)]⁴. Однако очень значительная часть «худших элементов населения» воспользовалась войной для сведения личных счетов. Доносили все на всех. В Прибалтике особенно отличились «патриотичные» эстонцы и латыши, активно доносившие на немцев [Джунковский 1997: 400]. В столице патриотические демонстрации приняли «хулиганский вид» — толпа разгромила пустующее германское посольство, «выбросив картины, вещи, мебель и стащив с крыши две декоративные статуи» [Толстой 1997: 526].

Над шпиономанией иронизировали фельетонисты: то «шпионом» объявляли рыжего господина, исходя из того, что и Иуда был рыжим, то подозрительно реагировали на любые солнечные зайчики («зеркальная сигнализация»), то намекали на то, что немцы (потенциальные шпионы) прикидываются евреями [Белогурова 2006: 84–85]. Со временем шпиономания переросла в феномен немецкого «вредительства».

С началом войны представился случай разобраться с русскими немцами. И здесь снова в ход пошли тенденциозные интерпретации бытовых неурядиц. Рассказывали о том как обошлись в ресторане на Гороховой «с артистом Малого театра И-м»: распорядитель кабачка, австрийский подданный якобы выпроводил его за дверь... за русскую рубашку. Аналогичный случай произошёл с «художником М-м в ресторане того же С-ва», которому швейцар заявил: «Надо носить немецкие рубашки». Писали и о том, что все петроградские кабаки гостеприимно открывают двери гостям в любом национальном костюме, кроме русского [Война и герои... 1914, № 1: 14–15]. В Москве рестораторы срочно переименовали «филе по-гамбургски» и «шницель по-венски» в «филе славянское» и «шницель по-сербски» [Долгоруков

⁴ Дело фирмы «Зингер» приобрело широкий общественный резонанс. Это было связано с тем, что фирма имела широко разветвлённую сеть магазинов (что было тогда необычно для российского рынка). Но на местах подозрительное отношение к фирме определялось скорее тем, что среди служащих её отделений преобладали поляки и евреи. Однако сведения об их «шпионстве» не нашли подтверждения [ГА РФ. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 58. Л. 8–14].

1964: 117], а сатирический журнал высмеивал «патриотичного» мужа, пенявшего жене за гуляш по-венгерски [Война и герои... 1914, № 8: 6]. Конечно, над этим иронизировали. Обыватели отмечали, что подобно тому, как в русско-японскую войну обыватели отказывались слушать оперетту «Гейша», теперь «из репертуаров исключалась опера „Фауст“» [ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 737. Л. 3 об.–4 (воспоминания В.Ф. Чистовского)].

Когда столица империи была переименована в Петроград, в церковной прессе писали, что «упразднение «Петербурга» — символично», а нынешнее «противонемецкое движение, несмотря на свои, может быть, несколько карикатурные и утрированные стороны, бесспорно... знаменует собою наше освобождение от рабства чужой культуры и обращение к источникам национального культурного творчества» [Церковный вестник 1914, № 34: 1007–1008]. Однако далеко не все приветствовали это переименование. В.Ф. Джунковскому, возглавлявшему Отдельный корпус жандармов, оно показалось «мелочным и ненужным» [Джунковский 1997: 495]. Столичный городской голова И.И. Толстой отмечал в дневнике, что ему «такого рода шовинизм совсем не нравится» [Толстой 1997: 539]⁵. Тем не менее, в провинции последовала волна «знаковых» переименований: в Тульской губернии хутор Фогельский превратился в Соловьево [Шевелева 2009: 266], а закавказский Траубенберг стал Виноградовкой [Булдаков 2010: 73]. Впрочем, кое-где с переименованиями всё же не спешили [Семенова 2007: 105].

Тем временем обладатели «немецких» фамилий спешно меняли их на «русские». Так, бывший московский градоначальник А.А. Рейнбот превратился в Резвого [Джунковский 1997: 550]. Однако его новая звучная фамилия тут же превратилась в имя нарицательное: говорили о том, что в Красном Кресте, где он «хозяйничает», кражи «процветают как никогда раньше» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 45]. Претензии на тотальную «русскость» подчас выглядели карикатурно. 1 сентября столичный профессор Александр Станиславович Довгел, возмущаясь на совете университета «зверскими поступками немцев», призвал коллег не печатать своих трудов на немецком языке, не закупать в Германии приборы и реактивы [Антонов 2014: 378]. Между тем, уже в августе 1914 г. российских предпринимателей охватила паника: выяснилось, что зависимость России от промышленно-технологического импорта настолько велика, что некоторые тут же усмотрели за этим предвоенные «германские происки» [Новорусский 1915: 466–468]. Повальная «чистка» немецких фирм, предпринятая по настоянию российских контрразведчиков [Звонарев 2003: 51]⁶ и к радости московской буржуазии, заинтересованной в избавлении от конкурентов [Доклад комиссии по выяснению... 1915], усугубила трудности военной экономики. Тем не менее, началась разработка целого комплекса мер, направленных против германской собственности в России [Fleischhauer 1986: 479–521].

Если до войны образ внутреннего врага ассоциировался с либералами и революционерами, то теперь он «этнизировался». Оказалось, что «русские немцы» охотно сдаются в плен. Журналы приводили длинные списки «русских пленных в Берлине», пестревшие немецкими фамилиями [Война и герои... 1914, № 3: 2]. Публиковались их «письма» из Берлина: «О, теперь весьма мне стыдно, что я немцев не любил, говорил о них обидно, в плен охотно не ходил» [Джигит 1916, № 4: 3].

Вступление в войну Турции расширило пределы шовинистической глумливости: один самодеятельный автор поместил карикатуру, на которой турок в феске тащил на себе свинью, на боку которой была написано «Германия» [Ратомский 1917: 1 (обложка)]. А бакинский

⁵ Тем не менее, в обществе считали, что И.И. Толстой первым поддержал идею о переименовании столицы. Художник К.А. Сомов счёл эту акцию «позорной», а З. Гиппиус считала, что это подстроил её «толстый царедворец Витнер». Французский посол М. Палеолог также счёл эту меру «бессмысленной» [Антонов 2014: 308, 357–358].

⁶ Следует, однако, учитывать, что российские контрразведчики изначально были склонны путать чисто коммерческий интерес с продуманной антироссийской военно-экономической политикой.

юмористический журнал нещадно издевался над союзником кайзера — «турком», представленным «ядовитым и зловредным экземпляром», который якобы мечтал попасть в русский плен, где «кормят шашлыками» [Джигит 1916, № 2: 8]. Всё это вряд ли вдохновляло российских мусульман.

Особенностью массовой психологии лета 1914 г. было то, что заурядные внутренние события стали резонировать с глобальными страхами. «В Бирючевке... ни с того, ни с чего, татары сняли рабочих с молотилы, побили всех русских и недвусмысленно говорили, что «надо всех русских кончать», — в частной переписке отмечали, что в Бугульминском уезде Самарской губернии «татары держат себя вызывающе», а случае столкновения с Турцией «могут быть эксцессы» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 61].

Имперское сознание склонно к преувеличению опасностей, связанных с «непонятными» окраинными народами. Не удивительно, что в конце июля 1914 г. появился циркуляр МВД о китайцах-торговцах, «уличённых в военном шпионстве в пользу Германии», а в октябре 1914 г. по аналогичному подозрению на территории западных губерний были задержаны двое чеченцев. Всего на 1 января 1914 г. в 11 российских военных округах на учёте контрразведки состояло 1379 лиц, подозреваемых в шпионаже, среди них в 7 округах 309 человек считались агентами Японии [Булдаков 2010: 34].

Впрочем, вступление Японии в войну на стороне Антанты заметно изменило ситуацию. «Настоящей войной Япония вырастет до ранга великого мирового фактора», — писала неославистская пресса [Новое звено 1914, № 39: 4]. Однако отношение к Востоку оставалось амбивалентным. «Нам... не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединить её в одно географическое целое, в противовес выдвигавшейся от времени до времени жёлтой расой доктрине „Азия для азиатов“...», — писал известный географ Семенов-Тянь-Шанский [Семенов-Тянь-Шанский 1915: 17].

Некоторую роль в раздувании ориентофобии сыграла Русская православная церковь. Писали, что «германское движение явно стремится отрезать нас с юга от остального мира и охватить... полукругом, отодвинув к азиатской стороне» [Церковный вестник 1914, № 44: 1323]. Это делалось вопреки донесением с мест (особенно из Поволжья) о том, что «мусульмане высокопатриотичны, турок считают таким же врагом, как и немцев» [Семенова 2011: 29]. Доводы рассудка отступали на задний план. Некоторые авторы упорно доказывали, что «христианство с его проповедью мира, любви и братства народов противостоит мусульманству с его религиозно-национальным партикуляризмом и фанатической нетерпимостью». Поэтому союз Германии и Турции — это союз «двух родственных по духу сил» [Церковный вестник 1914, № 47: 1425].

Внутрироссийскую ориентофобию стимулировал целый ряд факторов. Полумесяц воспринимался как символ унижения Святой Софии. В церковной прессе доказывалось, что «Царьград — это старая русская мечта, предмет благоговейного почтения и пламенных возжеланий... символ зари нашей исторической жизни...». Поэтому нужно ответить на вызов, брошенный «дряхлающей мусульманской империей» в порядке «общей борьбы славянства с германством» [Церковный вестник 1914, № 44: 1318, 1322–1324].

Тем не менее, представления об «угрозе с Востока» не получили того агрессивного наполнения, которое было характерно для отношения к «германской угрозе» [Булдаков 2014а: 29–54; Булдаков 2014б: 187–203]. Обществу нужен был более впечатляющий образ врага — не только отталкивающий, но и устрашающий.

5. «Время славянофильствует»?

Впервые в России на официальном уровне представление о том, что нынешняя война — «защита славянства от германизма» была высказана 5 августа 1914 г. исполняющим

обязанности московского городского головы В.Д. Брянским во время торжественной встречи Николая II в Москве [Джунковский 1997 : 388]. Тема стала активно разрабатываться.

Война вызвала настоящий шок у многих представителей русской культуры. Объяснить случившееся российским западникам было непросто. Война, разгоревшаяся в культурном эпицентре тогдашнего мира, вызывала массу историософских вопросов. «Для нас, русских, невозможно забыть о... господствующей роли Германии в европейской цивилизации», — писали в православном издании [Церковный вестник 1914, № 37: 1101]. Эту ситуацию предстояло отразить. Сомнения в ценностях всей западной, а не только немецкой, культуры зазвучали повсеместно. Церковная пресса вкрадчиво, но настойчиво винила во всех европейских бедах протестантизм, а затем и католичество, не говоря уже об иудаизме. Молодой философ В. Эрн в связи с этим пытался уверить: «Нет, Германия не Европа! Европа анафематствует силу, идущую против права, анафематствует культурное озверение, анафематствует забвение чести и совести... Распадение Европы, внешнее и внутреннее, на два враждующих стана... совершенно гармонирует с двойственной славянофильской оценкой Европы как „гниющего Запада“ и как „страны святых чудес“, и оно может быть понято только с этой славянофильской точки зрения» [Эрн 1991а: 373]. Философу показалось, что теперь «время славянофильствует». Это, в свою очередь, порождало гипертрофированное представление о роли России в войне. Это поветрие ощущалось и в церковных кругах. «В настоящее время мы имеем дело с замечательным фактом „славянофильства“ почти всего нашего общества...», — писал доцент Беляев..., — в самых ортодоксальных, самых доктринёрских органах западничества». Правда, затем следовала оговорка, что из «фактического торжества национализма нельзя сделать каких-либо теоретических выводов в его пользу» [Беляев 1915: 888].

Тема германо-славянского противостояния не была новой. Ещё весной 1913 г. германский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег высказывался о возможности «европейского пожара, который бы поставил друг против друга славян и германцев» [Цит. по: Сазонов 1991: 185]. Эту «подсказку» подхватили, в России стали возрождаться полузабытые славянофильские воззрения. Их своеобразным апофеозом стало воззвание «К полякам», подписанное 1 августа Верховным главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем. В нем напоминалось, что «не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде» и содержалось обещание воссоединить Польшу «под скипетром русского царя». Против публикации этого документа возражали некоторые министры, однако либеральные деятели были от него в восторге [Толстой 1997: 532–534]. Многих поляков воззвание также вдохновило⁷, в поддержку воззвания в начале августа в Варшаве выступил ряд либеральных польских партий, выразивших надежду, что «растерзанное полтора века назад тело Польши объединится снова» [Новое звено 1914, № 34: 19]. Но было и немало скептиков⁸.

Конечно, в условиях тогдашней неопределенности вряд ли стоило возбуждать у поляков непомерные надежды с помощью более чем туманных обещаний. Не случайно многие поляки тут же вообразили будущую Польшу «от моря до моря»⁹. 5 августа появился ещё один пропагандистский документ — обращение к славянам Австро-Венгрии, названных «подъяремной Русью». Авторы воззвания зывали к памяти «собирателей земли Русской» — Владимира Святого, Ярослава, Ивана Калиту, Дмитрия Донского и даже легендарного Осмомысла. Его содержание видный кадет И.И. Петрункевич прокомментировал так: «Прокламация

⁷ «Может быть, мы доживём до того, что Великая Польша соединится с Великой Россией», — писали из Скерневиц «Ее Превосходительству Е.К. Рыдзевской» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1149].

⁸ «Все обещают, но и все хотят обмануть, — писал некий Тадеуш (вероятно, ссыльный) из Иркутской губернии. — Я не понимаю, откуда взялась в народе такая вера в Россию... По временам думаешь, что уж лучше пойти с самим дьяволом, только бы не с Россией. Какие гарантии даёт воззвание?...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 21]. В декабре 1914 г. другой поляк писал из Варшавы, что «эту бумажонку» (воззвание) «ни один здравомыслящий поляк не примет всерьёз» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. 978. Л. 46].

⁹ «В каких пределах возродится Польша — от моря до моря?», — не без ехидства спрашивал некий Кулаковский [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1191].

написана в застольной беседе петербургского славянского общества и подсунута главнокомандующему в качестве голоса русского народа. Ведь весь смысл русской народной оборонительной борьбы подменяется намерением захвата земель наших врагов, ведь это оправдание лжи Вильгельма о нападении на него России... Ведь это, наконец, уничтожение всего смысла прокламации к полякам...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1174].

Мнения по поводу воззвания к полякам в русском обществе разделились. Некоторые полагали, что оно «открывает собой новую эру и тут не может быть места скептицизму» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1218]. Но скептиков оказалось более чем достаточно. Правые деятели во главе с П.Н. Дурново сочли, что обещанное объединение Польши для России невыгодно [Редигер 1999: 377–378]. Некоторые не без оснований сочли, что власть «нервничает» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1161]. Кое-кто предлагал предоставить Польшу в её этнографических пределах «ее собственной участи» — «пусть поляки варятся в собственном соку» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1430]. В любом случае, воззвание воспринимали неадекватно. Говорили даже, что «автономия Польши и равноправие евреев было предсказано московской биржей задолго до воззвания Главнокомандующего» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1193].

Некоторые поляки (преимущественно обрусевшие) восхищались воззванием. Э. Кудрявский писал из Кейдан Ковенской губернии члену Государственной думы Н.Н. Покровскому: «Воспитанный в России я всегда любил ее... В Царстве Польском происходят трогательные сцены братания русских с поляками... мобилизация прошла превосходно... Является много добровольцев» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1235]. Полковник Яндроловский из Цеханова сообщил А.И. Яндроловской в Москву, что «страшное волнение в патриотическом... смысле произвело воззвание Верховного главнокомандующего к польскому народу» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1144.]. Некоторые славянофильствующие издания вдохновляли себя тем, что хотя «поляки — солдаты из крестьян, исполняя свой солдатский долг, сражаются в большинстве случаев с весьма смутным представлением о том, за что их заставили сражаться», однако польская интеллигенция «единодушно воспламенилась идеей борьбы с германизмом» [Новое звено 1914, № 39: 16]

Между тем, поляки из Царства Польского иронизировали: великий князь был уверен в том, что своим воззванием он «отвлечёт галицийских стрелков от... привязанностям... к Габсбургам». Такие мнения возникли не случайно. В Кракове в момент объявления войны был «небывалый подъем духа» среди поляков, которые считали, что «наступил, наконец, момент возрождения Польши» под эгидой Австро-Венгрии [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 46]. В другом письме так характеризовались «благоденствия, вытекающие из воззвания»: теперь Россия будет создавать польские легионы, чтобы «направить всю охочую к бою молодёжь против своего противника». А легионеры, «вместо наших мазурок и краковяков, могут себе петь „Ой, поповна, поповна“ или „Мать моя барышня, отец капитан, сестры все бляди, а я шарлатан“» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 57об.]. Как бы то ни было, эмоциональное напряжение среди поляков возросло. На этой волне на Юго-западном фронте русской армии в декабре 1914 г. началось формирование польского корпуса¹⁰.

Российская общественность реагировала на воззвание по-разному. Русское население Вильно встретило его с недоумением (кроме крайне правых, привыкших «держат нос по ветру»), а литовцы «приняли вид обиженных» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1217] (они тоже рассчитывали на соответствующие обещания). Сходные мысли могли возникнуть у многих представителей нерусских народов. «Не нравится мне воззвание к полякам, в котором говорится об осуществлении их мечты, — писал некий Н. Тальберг из Петрограда. — Вообще же, я против заигрываний...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1164]. Заигрывания, однако

¹⁰ Соответствующего «этнического материала» было предостаточно. По некоторым данным к началу войны в российской армии насчитывалось более 700 тыс. поляков, из них 119 генералов и около 20 тыс. офицеров [Марков 2011: 220].

продолжились. После занятия Львова Верховный главнокомандующий обратился к народам Австро-Венгрии с новым воззванием, опубликованном на 9 языках, в котором обещал уважать их язык, веру и самобытность. В июне 1915 г. польские представители заявляли, что поначалу воззвание было встречено их соотечественниками с «неподдельным энтузиазмом», однако «вскоре пришлось горько разочароваться»: в то время, как немцы и австрийцы на оккупированных территориях вводили местное самоуправление и открывали польские школы, российские власти продолжали преследовать всё польское [Джунковский 1997: 604]. Между тем российские власти только и делали, что дискредитировали собственные обещания: российские украинцы были уверены, что теперь Галицию «попыробуют обрусить» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 40]. Именно это и произошло, причём в таких формах, которые вызвали недовольство даже консервативных церковных деятелей [Булдаков 2010: 49–51, 224; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1494; Д. 996. Л. 1522].

Волна славянофильского антигерманизма несла в себе ещё один характерный компонент. А из Генуи неустановленный народнический автор писал 12 ноября 1914 г. М.В. Сабашникову в Москву: «Настоящая война не может закончиться только военным разгромом Германии. Она приведёт к концу и духовную гегемонию ее, и прежде всего — к концу гегемонии германского социализма и марксизма... Для России это значит... начало собственного идейного творчества, начало жизни собственной органической жизнью... А при таком повороте к подлинной, своей народной жизни, где же искать теперь ближе всего её смысл и разгадку, как не в бытовой крестьянской ячейке общины и вообще „мира“» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 59].

От войны люди творческие ждали очень многого, но очень разного. Вместе с тем, российская пресса неумеренно восхваляла союзников — отнюдь не только славян. Подчас это принимало балаганные формы. Так, в московском театре Ф.А. Корша сезон 1914 г. открылся спектаклем «Генеральша Матрена». Перед его началом по сцене под музыку соответствующих гимнов пронесли свои национальные флаги русский, французский, английский, сербский и черногорский солдаты [Дадамян 2000: 12]. Со временем исполнение союзных гимнов вошло в традицию. В конце 1914 г. была выпущена серия из 12 марок «Деятели великой войны 1914 года. На марках были представлены не только король Сербии Петр I, король Черногории Николай, но и главнокомандующие союзными армиями. Подборка русских деятелей могла показаться странноватой. Помимо великого князя Николая Николаевича, генералов И.В. Никитина, А.А. Брусилова, был представлен и генерал-адъютант П. Ренненкампф, которого со временем людская молва обвинила едва ли не в предательстве. Такая пропаганда захватывала далеко ненадолго. Скоро стали раздражать частые сборы пожертвований на улицах, возникли подозрения, что здесь не обходится без злоупотреблений и хищений [Редигер 1999: 375]. Патриотические слои истончались.

На волне славянофильства проявилось стремление к созданию музеев современной войны. 18 ноября 1914 г. с такой инициативой обратился в местную Архивную комиссию пензенский губернатор. В Самаре и Саратове сходный план предложили сами архивисты [Семенова 2007: 73]. Некоторым воинственным либералам казалось, что «мировая война создает условия, в которых Россия будет способна встать во главе общеевропейской культурной организации» [Вопросы мировой войны... 1915: 18]. Но были и люди, более трезво оценивающие последствия военного психоза. «...Если наш русский человек, или какой-либо другой европеец, будет относить падение немца на его „некультурность“, которая... теперь только открылась, то русский и европеец не воспользуется данным историческим уроком, не использует его громадной поучительности и впоследствии сами будут впадать в те же грехи, в которых осудили немцев!» [Ухтомский 1996: 64]

Получили развитие историко-патриотические начинания, активно поддерживаемые правыми политиками. Актёры особенно охотно изображали Суворова и Кутузова, патриотические пантомимы разыгрывались на цирковых аренах [Stites: 35–34]. 14 декабря 1914 г. в

г. Ржеве на концерте, организованном учащимися епархиального женского училища, мужской и женской гимназий, прозвучали сочинения духовных композиторов русской и итальянской школ [Тверские епархиальные ведомости 1915, № 3: 58–59]. «Слабостям» врага противопоставлялись «сила и сплочённость» русского народа. Популярный журнал опубликовал рисунок В.В. Полякова: Генерал А.В. Самсонов перевязывает ногу раненому солдату, а затем угощает его папиросой [Огонёк 1914, № 39: 3]. Православные ценности перемежались «народным» бодречеством. На обложке популярного журнала солдат в стоптанных сапогах бодро пояснял генералу, что новые сапоги, висящие у него за спиной, он скоро наденет в Берлине [Война. Петроград 1914, № 5: 1]. Между прочим, из-за нестыковки государственного и частного секторов экономики скоро обнаружилось, что «в армии нет сапог» [Совет министров Российской империи... 1999: 108]. Среди причин их нехватки называлась и чисто спекулятивная. «...Летом 1914 г., почуяв неминуемое приближение войны, ...Бахрушины (известные меценаты — В.Б.) „скупил“ всю кожу и „придержали“ её до высоких цен, — свидетельствовал известный историк. — И это говорится без всякого стыда! Вот и цена этим либеральствующим гражданам» [Богословский 2011: 86–87].

Конечно, оказались востребованы «народные» герои. В специальном журнале воспевались многочисленные безымянные воины, «безропотно идущие на верную мучительную боевую смерть» [Война и герои... 1914, № 3: 16]. В октябре 1914 г. режиссёр В. Гардин снял фильм «Подвиг казака Кузьмы Крючкова» («Донской казак Крючков или Не перевелись богатыри на Святой Руси»), имевший ошеломляющий успех. Действительно, казак хутора Нижне-Калмыков в бою 1 августа 1914 г. поразил насмерть 11 немецких улан и сам получил 16 ранений пикой [Гращенко 2005: 119]. Появились соответствующие плакаты. Со временем изображение К. Крючкова появилось на папиросах, выпускаемых в Ростове-на-Дону. На коробке имела стихотворная реклама: накурившись папирос, «бойче станешь немца бить!»

Далеко не у всех такая пропаганда вызывала одобрение. В октябре 1914 г. было опубликовано «Открытое письмо некоторым гг. деятелям кинематографии» полковника А. Прозорова. Автор писал: «...Вы смеётесь над героями, над нашими чудо-богатырями. Ведь если бы Крючков, простой казак, увидел бы свой „подвиг“, то он только бы удивился, как всё его „дело“ просто и глупо...». Ему казалось, что репертуар пропагандистского кино составляет «сплошная ходульность, бедность, насмешка над светлым подвигом людей, кладущих за ваше благополучие свою жизнь!» [Вестник кинематографии 1914, № 100: 10]. Кое-кто смотрел на рост популярности кинопродукции под другим углом зрения. Журнал «Эксельсиор» писал: «Киноленты стали «своеобразным наркотиком, противодействующим настроениям страха и беспокойства» [Цит. по: Теплиц 1968: 127].

Либералы считали, что с началом войны произошло «отрезвление» России во всех возможных смыслах. Повсеместно приводились данные о снижении хулиганства и преступности в связи с «сухим законом» [Трезвая жизнь 1914, № 10–11: 262–263]. Действительно, из деревни сообщали, что «бабы благословляют трезвость», но отмечали также и разговоры о том, что «небось господато пьют». При этом подчёркивалось, что «газетам стали мало верить», а сельская интеллигенция и духовенство мало работают над поднятием духовного уровня народа. Как результат сообщения с фронта «переплетаются с самыми причудливыми вымыслами, фантастическими легендами и сказками» [В дни войны... 1916, № 23–24: 2–6]. Столичные газеты охотно пересказывали их. Так среди солдат получила распространение легенда о «Белом генерале»: увидеть его, значит стать неуязвимым [Биржевые ведомости 1914, 30 октября]. Рассказывали и о чудом уцелевшей иконе с погибшего крейсера «Паллада» [Голос Москвы 1914, 26 октября]. Вспоминали о дурном для Германии знаке: три года тому назад в саксонском городе Артерне у статуи Бисмарка отвалился меч, а затем и рука [Петроградская газета 1914, 5 октября]. На фоне славянофильских кампаний возродился весь набор традиционных предрассудков.

Под покровом неославистских идей зазвучали вкрадчивые нападки на «зловещие голоса» либералов. Писали, что «любители вчерашнего дня истории, привыкшие к умственному обиходу преимущественно немецких точек зрения, в обилии фабриковавшихся в университетских городах Германии, несмотря на пожар взрывающихся событий, не хотят сходить с насиженных мест и раскрывать глаза на грозные проблемы». Уверяли, что авторы либерального пошиба «новую, творческую, всеславянскую и всемирную Россию, родившуюся на полях сражений... пытаются „обойти с тылу“ и как бы в тайном союзе с повергающимся в прах германизмом, готовятся нанести ей тяжёлый удар духовным отступничеством» [Новое звено 1914, № 47: 5–6]. Российские «патриоты» не были едины, а в целом разобщённость культурного пространства усиливалась.

Современники и исследователи единодушны: ни причин, ни целей войны основная масса населения не понимала. В низах происхождение войны выстраивалось либо по сказочно-династическому сценарию (Николай II не мог простить Францу-Иосифу марьяжного обмана), либо прагматично: спор из-за земли [Аксенов 2012: 138–139]. Доводы об освобождении «братьев-славян» до солдат не доходили. По мере нарастания неудач русской армии падал авторитет императора.

Тем не менее, некоторые журналисты уверяли, что «мировая война... стёрла все грани между сословиями, уничтожила всякое различие между... национальностями», появилась «новая Россия, единая, сильная, почуявшая свою культурную мощь и всеми силами отстаивающая её от немецкого засилья...» [Оздоровление России... 1915, № 1: 1]. Наряду с этим звучали призывы к духовному обновлению. «Вследствие существенных психологических перемен, история сделалась качественно иною... Если история расширяет свои границы, то и религия, обладающая сверх-временной истиной, должна сделать соответствующее поступательное движение...» [Церковный вестник 1914, № 39: 1160], — писали православные авторы. Привычка выдавать желаемое за действительное прогрессировала.

6. Коллизии и гримасы «высокой» и «народной» культур

В предвоенной России то, что считалось культурой, существовало почти независимо от народных низов: последние, в лучшем случае, призваны были поставлять декоративный материал для «высокого искусства». Фактически верхи и низы существовали на разных этажах культурной жизни. С началом войны российские элиты ощутили опасность такого положения: тотальному характеру война должна соответствовать реорганизация социального пространства на основе неких общих ценностей. Путь к этому, как казалось, лежал через массовую культуру.

Война требовала своего рода патриотической унификации культуры. Частично эта тенденция нашла свое воплощение в культуре лубка. Соответственно славянофильские интенции приобретали всё более агрессивный характер. В связи с военными успехами в Галиции писали, что «смелым ударом русского меча разбито на мелкие куски ярмо, почти шесть веков сжимавшее шею прикарпатского раба», и теперь «явилась Русь единая и великая» [Кораблев 1914: 196]. С восторгом сообщалось, что столичные чехи переходят в православие [Огонёк 1914, № 32: 14]. Реалии войны были далеки от оптимизма такого рода. В декабре 1914 г. высокие воинские чины признавали, что Галиция «разграблена начисто, и притом... даже не столько австрийцами, сколько русскими войсками», что здесь практикуется «огульное преследование евреев, обвиняемых в сплошном шпионстве, угнетение поляков и „мазепинцев“», в результате чего местная интеллигенция разочаровалась в своих «братьях» [Толстой 1997: 580, 608].

Настоятельность перестройки культурного пространства на национальных основаниях ощущалась во всех общественных слоях. Однако «высокая» культура не находила достойный общегражданский тон. Люди консервативного склада в связи с этим предлагали очистить

русскую культуру от «чужеродных» наслоений. «...Ни наши псевдолибералы, ни наши консерваторы полу столетия не печалились о своем разъединении с народом, с Церковью, с нашими предками до последнего года, — заявлял митрополит Антоний (Храповицкий). — Но вот открылась война... явилась страшно сильная потребность в опознании своей русской культуры... о её глубокой противоположности жизни европейской, основанной на римском праве, то есть на язычестве...» [Никон 2004: 410–411]. Подобные мысли высказывали и некоторые «народные» издания: «Теперь наученные горьким опытом не будем искать счастья у иноземцев, когда оно внутри нас и изобильно изливается нам, Матерью нашей Православной церковью: в стенах её наше спасение, наше утешение и отрада» [Друг пахаря... 1915, № 1: 4].

Сходным образом реагировала на происходящее церковная пресса. «Живущий главным образом чувством народ наш способен на совершенно неожиданные перемены в своем строении..., — уверял «Церковный вестник». — Чувство всегда чище, выше рассудка, его движения неотразимы... Героизм без чувства немислим... Эти особенности русской народной души проявляются на последнее время в подвигах русской армии и в жизни народа на местах... В Россию можно верить» [Церковный вестник 1914, № 36: 1072]. В славяновильствующей прессе писали: «С категоричностью императива требуется и величайшее творческое напряжение нашего народного **разума**... Мы должны... нашим народным разумом разрешить все вопросы европейской культуры, произвести мировой синтез накопившихся противоречий, — этот синтез должен лечь в основу... ослепительного расцвета русской культуры. Вот тогда „всечеловечность“ русской души... должна воплотиться в... огромных мировых масштабах...» [Новое звено 1914, № 47: 5]. Поэтические и религиозные упования, казалось, сомкнулись в патриотическом порыве. На деле усиливалась коммерциализация и опошление культурной жизни на «патриотической» основе.

Сообщали, что лубок — «пошёл бойко», стали плодиться многочисленные специализированные издательства. «Огонёк» с удовольствием сообщал, что «первая народная лубочная картина» о войне «Первая схватка казаков с прусскими драгунами» продавалась на улицах Петербурга и Москвы уже в начале августа [Огонёк 1914, № 32: 13]. «На рынок были выброшены сотни тысяч, если не миллионы, военных лубков, — сообщала столичная газета. — В качестве художников рядом с представителями «старой школы» выступили и новаторы, до футуристов и кубистов включительно...» [Цит. по: Крусанов 2010: 487]. Впрочем, некоторые полагали, что «футуристический лубок» — нелепость. В этом была доля истины.

Авторами лубочных плакатов становились такие художники как А. Лентулов, К. Малевич, И. Машков, Д. Моор и др. Преобладала «ура-патриотическая» тема. Владимир Маяковский выдавал такие тексты: «Сдал австриец русским Львов, где им зайцам против львов!»; «...Враг изрублен, а затем он пущен плавать в синий Неман»; «Немец рыжий и шершавый разлетался над Варшавой, да казак Данило Дикий продырявил его пикой. И ему жена Полина шьет штаны из цепеллина» [Русский военный лубок... 1995: 53, 78, 85, 93]. Либеральная печать уверяла, что среди крестьян широкое распространение получили такие лубочные произведения, как «Бой на реке Висле», «Захват русскими немецкого военного поезда», «Битва у реки Немана», «Бегство австро-венгерских войск от Равы Русской» [Фомин 1916: 37]. Сомнительно, однако, что они способны быть подняты подлинный патриотический дух. Это были всего лишь «картинки», рассчитанные на пассивного созерцателя.

Лубково-патриотичное поветрие частично захватило и культурные верхи. Далеко не всем это нравилось. Поэт и историк литературы П.С. Сухотин в письме от 16 октября 1914 г. признавался: «Читать газеты не могу, ибо всё в них отвратительно.... Патриотизм, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться, чему мы учим толпу и каких ещё от этого надо ждать позорищ» [Российский архив... 1999: 512]. Пехотинец Н.Л. Григоров писал в Пензу, жалуясь на «жизнь собачью», что газеты приписывают нам «патриотизм», но на деле «этого ничего нет» [Письма с фронта... 2015: 490]. Однако массовая культура становилась всё более лживой. Упомянувшийся полковник А. Прозоров пытался усюветить кинопропа-

гандистов: «... Будет вам, Г.г., спекулировать на наших врагах, оставьте его зверства и низость и не глумитесь над русскими душами...». По его наблюдениям, подобная кинопродукция развращала молодёжь, отправлявшуюся на фронт [Вестник кинематографии 1914, № 100: 10]. Как бы то ни было, по отзывам прессы, к весне 1916 г. лубок, отмеченный порой сочетанием «тошнотворного лирического сиропа и победоносного пафоса», стал увядать [Тихвинская 2005: 374].

Бодряческое рифмоплётство в сочетании с лубковой изопробандой вряд ли могло дать долговременный пропагандистский эффект. Тем не менее, за первые полгода войны на рынок было выброшено почти 600 пропагандистских печатных изданий общим тиражом 11 млн. экземпляров [Владиславлев 1915: 5]. Основная их часть относилась к жанру массовой культуры [Jahn 1995]. Здесь воцарилась безвкусица. Так, на одной из открыток можно было увидеть русского, француза, англичанина, пожимающих друг другу руки. Русский солдат выглядел достаточно реалистично, французский солдат был изображён в красных штанах образца 1880-х гг., а англичанин словно вырядился для воскресной речной прогулки. В текст, однако, взывал: «Клянёмся, наши сердца охвачены пламенем! За правых — Бог! Он будет нам защитой». На других открытках можно было увидеть Вильгельма, прикованного цепями в дурдоме или Франца-Иосифа, отплывающего в бочке к острову Св. Елены [Старцев 1999: 98–99].

В сочинение подобных произведений включились самодеятельные авторы. Наиболее плодовитым оказался московский «поэт-рабочий» (на деле частник-краснодеревщик) П.А. Травин. Отбросив сочинение графоманских повестей о жизни пылких итальянцев и испанцев, он выдал целую серию «патриотических» брошюр, названия которых говорили сами за себя: «Свинья красавица или одуроченные немцы», «К чему Вильгельма во сне увидеть?», «Султан Магомет продаёт свой гарем», «Как русский сапог напугал целый немецкий полк?», «Жареный Вильгельм», «Слезы чудовищ. Германский крокодил», «Катастрофа. Гибель трех империй». Эти опусы впечатляли отсутствием грани между реалистическим и фантастическим. Публиковал Травин также военные песни собственного сочинения и описания подвигов героев войны [Травин 1914а; Травин 1914б; и др.]. Проявили себя и другие самодеятельные сочинители, предлагавшие своего рода пародии на народные сказки [Прохорович 1914; Петров 1914; Шухмин 1914; Ратомский 1915]. То же самое наблюдалось в провинции: «Саратовская почта» предлагала следующие карикатуры: «Толстый и худощавый: Германец до и после войны»; «Кайзер старательно сеет среди своих войск железные кресты, но из этих семян вырастают лишь кресты деревянные» [Семенова 2007: 93]. Упорно внушалось, что немцы страдают от нехватки продовольствия и отсутствия ресурсов. Гинденбургу якобы телеграфировали: «Чин фельдмаршала променяю на пару тёплых сапог» [Великая война... 1915: 1].

Появились серии плакатов, иллюстрирующих победы русских «чудо-богатырей»: к примеру, в Восточной Пруссии казаки обратили в бегство «гусар смерти — любимую кавалерию императора Вильгельма, носящую „мёртвые головы“ на фуражках». В лубочных изданиях донской казак Козьма Крючков прямо таки косил немецких пехотинцев, а верховный главнокомандующий Николай Николаевич дубасил кайзера сковородкой по голове. Муссировались слухи, что Вильгельм II сошёл с ума и даже застрелился [Толстой 1997: 527]. Кайзер изображался то в виде то антихриста, то таракана (пруссак), то свиньи, то чёрного пса; иной раз его физиономия «тупого колбасника» представала в обрамлении кукишей [Русский военный лубок... 1995]. В целом образ кайзера вряд ли получился убедительным: он изображался то со сбитым шлемом, то в образе Дон-Кихота, цирке и кинематографе делался упор на его инфернальность [Театр в карикатурах 1914, № 16: 1, № 17: 3; Гинсбург 1963: 199].

То, что можно условно отнести к массовой культуре было явлением многослойным: «народу» предлагался лубок, «буржуазную» публику обслуживали многочисленные кабаре и театры миниатюр. Литейный интимный театр в Петрограде поставил спектакль «Бронированный Фауст», а также «Рахиль, или за честь Франции» [Антонов 2014: 434]. «Развлекательная жизнь Москвы, затухавшая было накануне 1914-го, в годы мировой бойни расцвела с не-

виданной прежде силой» — в неё органично вписалась продукция «весёлого ассортимента» [Тихвинская 2005: 423].

На этом фоне церковная пресса не без удовольствия сообщала, что теперь «пала... и вера во всесторонний и неукоснительный прогресс человечества, каковая вера была, можно сказать, подлинной религией значительной части нашего образованного общества» [Церковный вестник 1914, № 39: 1162]. Однако ни художественный авангард, ни элитарность Серебряного века не ушли в прошлое. Известный поэт Константин Бальмонт странствовал по стране с лекциями «Любовь и смерть», «Женщина в великих религиях», которые находили своих благодарных слушателей [Андреева-Бальмонт 1996: 396–397, 399–401]. В отличие от него, кое-кто ощущал неловкость от неадекватности «высокой» культуры военной прозе жизни. Так, знаменитый художник Илья Репин стыдился своей «патриотической» картины «Сестра, ведущая солдат в атаку» [Чуковский 1991: 75].

Казалось, в бесчинствах противника поверили и представители «высокой» культуры. Возвания по поводу немецких зверств подписали писатели М. Горький, А. Серафимович, Г. Скиталец, художники А. Васнецов, В. Васнецов, К. Коровин, скульптор С. Меркулов, певец Ф. Шаляпин. Известный географ А. Семенов-Тянь-Шанский поддержал инициативу «Нового времени» об издании «Чёрной книги» о немецких зверствах [Новое Звено 1914, № 34: 22]. Трудно сказать, насколько всё это было искренне. В августе 1914 г. З. Гиппиус советовала поэтам помолчать в «часы неоправданного страдания», а в декабре риторически вопрошала: «Где чужие? Где свои?». В 1915 г. она уже констатировала, что «военный жар исчез» [Гиппиус 1996: 70, 72, 77]. Результат пропагандистской лихорадки виделся ей так: «Как противна наша присяжная литература. Завопила, как зарезанная, о войне с первого момента. И как бездарно, один стыд сплошной... И наказаны печатью бездарности» [Гиппиус 1982: 114]. Нечто подобное ощущали и другие. «Когда теперь самый последний, самый ничтожный газетный писака говорит пышные слова о „настоящем виде немецкой культуры“, неизменно сопровождаемая слово „немец“ эпитетом „варвар“, „зверь“, „чудовище“, меня это и смешит, и бесит. Неужели только одни немцы делают зверства... грабят, мародёрствуют, насильничают, убивают мирных жителей», — высказывался 15-летний Д.В. Фибих, подозревавший, что русские солдаты делают то же самое. Он считал, что в России военные преступления скрываются из «идиотского ложного чувства патриотизма», и полагал, что глупо и несправедливо обвинять в этом другого «потому только что этот другой немец и враг» [XX век. Писатель и война: 108].

Всё это было лишь частью шовинистической вульгаризации культуры. Искренние выражения патриотизма оказались выхолощены в результате невольного слияния с акциями казённого патриотизма. Расцвело жульничество особого рода. После того, как правительство постановило изъять из оборота кинокартины германского производства, они стали выпускаться на экран под видом американской и голландской продукции [Ханжонков 1937: 90].

Вопреки благим начинаниям верхов война гетерогенность российских культур усиливалась. При этом собственно народная культура вульгаризировалась. «На смену прежним ярким, красочным произведениям народного творчества явилась монотонная и часто глуповатая по содержанию частушка» [Фомин 1916а: 27], — писали в либеральных журналах. Тем не менее, в частушках упорно навязывалась вульгарная интерпретация буквально всех сторон общественной жизни [Симаков 1915]. Городские низы, судя по репертуарам кинотеатров, упивались сентиментальными сюжетами, словно разрываясь от жалости к самим себе. Образованная публика, со своей стороны, воротила нос от «вульгарности» кинематографа.

В целом разрыв между «высокой» и массовой культурой неуклонно увеличивался [Buldakov 2014: 25–52]. «У народа и большей части его интеллигенции нет общего языка», — признавали позднее [Верховский 2014: 119]. Со временем из этого выросли трагические последствия.

7. Призраки внутренней смуты

Ещё до войны В.Ф. Эрн, один из основателей «Христианского братства борьбы» по-своему обосновал православный взгляд на революцию. Поскольку христианское мировидение эсхатологично, то будущее — «не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов, наконец, последний взрыв, последнее напряжение — и тогда конец этому миру, начало Нового, Вечного, Абсолютного Царствия Божия» [Эрн 1991б: 218]. Он, вместе с тем, благоразумно отказался от рассуждений о последствиях такого духовного катаклизма. Однако, создавалось впечатление, что в умах подданных православной империи в годы войны вызрело своего рода революционно-прикладное понимание «христианского» прогресса.

В свое время В.И. Ленин много писал о «революционном шовинизме», охватившем европейский пролетариат. Однако в России дело было не только и не столько в антиправительственных настроениях рабочих масс. Постепенно недовольство пробиралось «наверх». В верхах встречались люди, которые «ругательски ругали администрацию и правительство», но при этом были охвачены «великим шовинизмом» [Толстой 1997: 543–545, 629].

Вместе с тем, кое-кто ухитрялся «радоваться». Известный писатель Е.Н. Чириков вспоминал, что А.М. Горький «потирал от удовольствия руки и выбрасывал пораженческие лозунги» [Чириков 1992: 375]¹¹. Как видно, инерция лозунгов прошлого готова была наполниться новым «оптимизмом». Впрочем, «излишне эмоциональная» писательская среда всегда была крайне неустойчива в своих надеждах — Горький отнюдь не был «идейным» пораженцем¹². Как бы то ни было, на основе эмоционального выгорания, связанного с психозами первых военных дней, нарастала деморализация культурного пространства [Булдаков 2014в: 101–111]. Она была частью общей социальной фрустрации.

Наблюдатели сообщали, что вблизи «патриотичная» масса смотрелась не столь привлекательно даже в начале войны. В столице наблюдали следующую картину: «...Надвигается со стороны Лавры большая толпа... Рабочие, запасные и провожающие их поют „Марсельезу“ со словами: „Царь — вампир пьёт народную кровь“». Наблюдатель сообщал, что «пели также „Варшавянку“ и похоронный марш» («Вы жертвою пали...»). Впрочем, по-видимому, этот очевидец не обошёлся без революционного бахвальства: «При пении похоронного марша офицеры и городские снимали фуражки... Настроение толпы на меня повлияло как индуктирующий ток... Все офицеры, ожидая „Боже, Царя храни“ и слыша революционные песни и крики, смущались, но отдавали честь или снимали фуражки. У Аничкова моста один чиновник запротестовал: „Как это, долой войну?.. Это деморализует армию!..“ Тут я выступил с речью и у меня с чиновником завязался спор. Я ему доказывал, что война — это зло и что рабочие имеют право выражать свое отношение к ней, что воевать должны эти рабочие, которым нечего есть, у которых семьи голодают, а не только мальчишки, которые пели гимн, получая от правительства за это деньги; что рабочих надо уважать, как наиболее обездоленных, что рабочие не хотят войны, потому что девиз рабочих „пролетарии всех стран соединяйтесь“, и русский рабочий, желая объединиться с немецким, не может же желать войны против него. Рабочие и сочувствующая публика смотрели на меня с явным уважением и почтением, а буржуа, накапливающие всё больше и больше, с враждой». Трудно сказать, до какой степени очевидец сгустил или подправил краски. Но подобных впечатлений нельзя не учитывать. «Представь себе толпу без конца из подростков и хулиганов и полицейских. Лица неинтеллигентные, красные носы, нахальные глаза, — писали из Москвы 22 июля 1914 г. — Кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать». Из Твери сообщали, что «3–4 шалопают поднимают на

¹¹ В апреле 1915 г. А.М. Горький, напротив, опасался, что после войны МВД спровоцирует беспорядки, которые придётся подавлять вооружённой силой [Толстой 1997: 623].

¹² В сознании А.М. Горького уже в начале войны возобладали пацифистские лозунги [Спиридонова 2013: 146–151].

ноги порядочное количество публики». Возникал настоящий бедлам: «Вечером окон нельзя открыть — ...уж больно орут иступленными голосами... Рабья психология покорности и готовности. Этот слюноточивый патриотизм и раздул страсти. Что в России, что у немцев...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 23, 14, 15]. Некоторым людям события в столице виделись иначе: «Десятки тысяч рабочих и сотни тысяч горожан... были совершенно выбиты из колеи и покорно шли на призывные пункты... Настроение создалось угрюмо сдержанное и подавленное, и только на Невском бесновались „патриоты“... Учащаяся молодёжь в своем подавляющем большинстве ударилась в шовинизм и патриотизм» [Арский 1923: 75–76].

Слухи о том, что развитие событий чревато революцией (сказывались воспоминания о 1905 г. последовавшем за русско-японской войной), появились с самого начала войны. 15 июля 1914 г. (нового стиля) некая «Леля» сообщала из Гренобля Н.А. Фон-Глен в её имение в Казанской губернии, что «все русские покидают Францию», так как «в России готовятся к революции» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 10]. Ожидали начало русской революции и в Германии. 11 августа 1914 г. Е.И. Рышкевич из Лейпцига писал И.Н. Рышкевичу в Седлец, что «здесь газеты распространяют разные небывлицы про Россию — будто Малороссия, Финляндия, Польша и т. д. собираются встать и объявить себя самостоятельными». Сам же адресат ожидал после войны революции, которая будет «солиднее, чем в прошлый раз» [Там же: Л. 62 об.]. Напротив, в Великобритании думали иначе. «Германцы... ошиблись, — писал врач Е.Я. Столкин из Лондона 3 октября 1914 г. М.И. Блюер в Москву. — Например, они были уверены, что в России начнётся революция, как только будет объявлена война» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 22]. Но большинство всё же ожидало будущей смуты. Порой образы войны и революции сливались в странноватую психологическую амальгаму. «Поеду только на передовые позиции, хочется судьбу попытать..., — писал один студент. — Настаёт великое время и великое дело, перед которым вся грандиозная война померкнет. Подготавливается государственный переворот, готовый всё переменить и наладить поновому. Зарождается новая жизнь и новое счастье... Последний день войны будет первым днём русской революции... Не надо больше войны, не надо крови» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 94а]. Другие студенты сопротивлялись попыткам толкнуть их «на дорогу рабского патриотизма» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 67].

К концу года наметилось отрезвление от «патриотического угара». 25 ноября 1914 г. некий «Жоржик» (офицер) писал Н.Н. Чернощековой в Петроград: «Подкладки войны вам никто не расскажет, а жалко: война даёт средство познавать не только себя, но и других. В военное время не узнаешь этих красивых петухов, которые так красиво, так громко говорили про себя в мирное время... Где их задор? Всё сдуло». Он жаловался на громадные потери, на то, что «наша пехота не выдерживает огня», а солдаты готовы стрелять своим офицерам в спину [Письма с войны... 2015: 112–113]. В тылу зазвучали не менее скептические ноты. «Не думаю, чтобы... интересы монархии и бюрократии вполне гармонировали с интересами народа, но по всему видно, что гармония полная, дело дойдёт скоро до лобызания Того, Кого не так давно ненавидели всеми силами души..., — писал 24 ноября 1914 г. А.А. Шутов из Томска Д.А. Шутову в киевский коммерческий институт. — Мы, вставшие на защиту слабых братьев-славян, помогли им... то какой цены стоит эта помощь и им и нам? Моря крови, миллионы жизней... Если бы эти вампиры и Каины были на самом деле люди, то могли же ведь они устранить и без таких жертв всё...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 15]. Над записными «патриотами» стали посмеиваться. «...Ты поддался настроению толпы, руководимой... кучкой деспотов... Газеты не отражают... действительного настроения общества...», — писали в декабре 1914 г. из Харькова в Томскую губернию [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 6]. Появились и «пораженческие» слухи. В ноябре 1914 г. в тылу шептались о том, что за отказ солдат одного полка идти в бой было расстреляно 120 человек [Письма с войны... 2015: 113]. Да и сами «патриоты» оказывались не на высоте. Так, в декабре 1914 г. на фронт прибыл некий «представитель общественности» с подарками. Он, как и положено, разглагольствовал о том,

что всё общество требует войны до победы, но попав под обстрел, заговорил иначе: «Когда это кончится!» [ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 428. Л. 37–39 (воспоминания полковника А. Кузнецова)]. Но в целом более отчётливые ноты неверия в победу зазвучали позже — ещё через полгода.

Похоже, что понятия войны и революции устойчиво сплелись в общественном сознании, выливаясь в некие эсхатологические предчувствия. Даже А.И. Гучков позволял себе рассуждать о «невозможности выйти из положения обычными средствами». «Только перевернув всё верх ногами можно создать условия, при которых Россия может отстоять свою независимость и право самостоятельного существования», — заявлял он, предпочитая, однако, ответственное перед Думой правительство и Алексеева или Брусилова во главе армии. Шансов на мирный исход он, кажется, не находил: «Император упорен и хитер» [Верховский 1959: 59–60]. (Впрочем, было известно, что Гучков «любит сгущать краски и критиковать всё, в чем он лично не участвует» [Толстой 1997: 583]).

Некоторые русские эмигранты в революционной перспективе уже сомневались. Из Канады писали 2 августа 1914 г. в Москву, что даже после победоносной войны «революция найдёт почву в разбитых жизнях, разрушенных хозяйствах, кризисе, безработице», причём это случится «не только в России... но и в Германии и Австрии» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 97]. Писатель Леонид Андреев 4 октября 1914 г. из Петрограда в Москву сообщал И.С. Шмелеву: «...Наша реакционная пресса, обычно настроенная шовинистически и по всякому поводу готовая к войне — в этот раз уже начинает бить отбой, намекать о мире и прославлять Вильгельма. Они животом чувствуют, что разгром Германии будет разгромом и всевропейской реакции и началом целого цикла европейских революций...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 23]. Сам он был, кажется, убеждён: «Пишется война, а читается революция» [Цит. по: Купцова 1996: 26].

Люди творческие, как обычно, склонны драматизировать события и предвосхищать ситуацию. Сказывалась и умозрительность русской интеллигенции. Так, к С.Е. Трубецкому, настаивавшему на «научно-духовно-религиозном осмыслении войны» [Ильин 1999: 84] и постижения Св. Софии Константинопольской, некоторые либералы относились скептически: мысли «возвышенные, но аргументация... притянута за волосы» [Толстой 1997: 574, 576]. События требовали более трезвого взгляда на происходящее.

В конце года некий Г.Н. Корганов писал из Кавказской армии А.М. Бекутову в Москву: «Война... увлекла массы... она увлекла и социалистов, поставила иных даже в позорное положение, с другой стороны, заставила капиталистов заняться социализацией хозяйства... обезоружила интеллигентские угрызения совести по насилию, убийству... обнаружила, что никакая кровавая революция не может быть ни так кровава, ни так бедственна, ни так бессмысленна, как эта бойня... Всё-таки мы сразу становимся ближе к социальному перевороту...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 9]. Похоже, такие мнения были распространены. Некая «Нелли» 14 декабря 1914 г. писала хорунжему лейб-гвардии полка Д.А. Сердюкову в Варшаву: «Ты пишешь, что немцы звери. Здесь тоже распространяют этот слух, но наши солдаты... жалеют, что они не немецко-подданные, говорят, что вполне убедились, как правительство заботится о своих и какая разница между немецким и русским солдатам. Пожалуй-ста, об этом никому не говори. Будет революция, и как ей не быть» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 25]. Теперь к грядущей революции по-своему начали готовиться и обыватели. Конторщик Ф. Штаубе из Ярославля писал 19 декабря 1914 г. Н. Леуценгеру в Швейцарию: «...Должен тебе сообщить новость, которая тебе, вероятно, не пришла бы в голову: когда кончится война, в России непременно будет большая революция. Дядя не хочет дожидаться её и думает уехать сейчас же по окончании войны. Я, конечно, поеду с ним». Причину будущей революции он видел в том, что «правительство слишком долго угнетало и обманывало народ» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 35].

Впрочем, о революции по известной интеллигентской привычке пока скорее разглагольствовались, нежели верили в неё всерьёз. Зато становилось всё более очевидно, что состояние общественного ресентимента не находило достойной разрядки. «Ад в душе, — писала медсестра А. Жданова (сестра известного большевистского деятеля А.А. Жданова). — Нет там Бога, нет веры ни во что... Я хочу смерти, но кончать жизнь самоубийством позорно, когда можно с пользой отдать свою жизнь за родину» [Записки сестры милосердия... 2014: 28]. Несомненно, она была особой весьма неуравновешенной. Но проблема в другом — люди такого склада не могли отыскать позитивных ценностных ориентаций.

Поэт, переводчик и историк литературы П.С. Сухотин 16 октября 1914 г. отмечал: «Читывать газеты не могу, ибо всё в них отвратительно. Дружба союзных народов — не что иное, как „обмен тщеславия“ или „покровительства позор“; патриотизм же, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться, чему мы учим толпу и каких ещё от этого надо ждать позорищ» [Российский архив... 1999: 512]. Из Армавира сообщали: «Наши либеральные газеты видят какой-то подъем духа в народных массах... Народного подъёма не было, — ходили с портретами и иконами небольшие кучки истинно-русских людей и только. Ожидать народу и рабочим улучшения своего положения — несбыточная мечта...» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 6]. Кое-где были отмечены характерные эксцессы. В Свяжске Казанской губернии прозвучали такие заявления: «Напрасно Россия ведёт настоящую войну, от которой пользы никакой быть не может», «Россия эту войну проиграет». Крестьянин с. Бездна А.А. Пугачев выкрикивал во время призыва: «Долой Романовых! Да здравствует республика!» В Царицыне после патриотической манифестации 20 июля 1914 г. появилась прокламация с призывом: «Долой войну! Да здравствует мир! Долой монархию!» [Терешина 2009: 24].

Грань между патриотизмом и революционаризмом была непрочной. Многие русские эмигранты готовы были спешно вернуться на родину. Возвратился эсер В.Л. Бурцев, рассчитывавший на амнистию за свой патриотизм [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 79; Д. 977. Л. 7]. Однако он тут же был арестован и отправлен в ссылку [Джунковский 1997: 487–491]. Столичные левые студенты протестовали, заявляя, что «правительство, не решившееся на амнистию, которую ожидали с началом войны, тем самым показало, как оно неискреннее говорит о единении с народом». Власть сама провоцировала протесты. По случаю «Толстовского дня» в университете «начался сбор и продажа карточек с портретом „бабушки русской революции“ (Е.Д. Брешко-Брешковской. — В.Б.) и ленского расстрела... Пели „Вечную память“, и перешли на „Марсельезу“ и „Варшавянку“». В университете появилась полиция. Поддерживали власть только «академисты», левое студенчество считало, что «правительство продолжает делать свое тёмное дело» [ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 48; Д. 979. Л. 16, 32, 42]. Тем временем газеты — как в столицах, так и в провинции — обращали внимание только на патриотические выступления студенчества [Терешина 2009: 17]. Обман соседствовал с самообманом. Это было закономерно. Позднее Ю.Н. Данилов, генерал-квартирмейстер Ставки, признал, что народ к войне «оказался психологически не подготовленным», поскольку «главная масса его — крестьянство — едва ли отдавала себе ясный отчёт, зачем его зовут на войну» [Данилов 1924: 112].

Никто в Европе не был готов к тому, что «цена войны» окажется столь высокой. Наиболее болезненно это сказалось на России, чьи культурные верхи всё больше отчуждались от масс. Для патерналистской политической культуры ситуация стала непереносимой.

* * *

Начало войны породило сиюминутный «патриотический» испуг, который, однако, не привёл к формированию консолидирующей национальной идеи, противостоящей образу врага. Сближение «высокой» и «народной» культур не произошло, можно говорить лишь о кратковременной изоморфности военных психозов верхов и низов. К тому же, на теле Российской

империи обозначились новые социальные трещины, грозившие усугубить прежний общественный раскол.

Сложно говорить и о формировании в среде интеллигенции новой идентичности, способной лечь в основу военно-имперского патриотизма. Так, одни литераторы настаивали на полном отрицании культуры Запада и уповали на мистику Востока, другие предлагали ограничиться «немецкой» её частью, третьи надеялись по-своему воспользоваться германскими техническими достижениями [Богомолов 2013: 245–251]. Как бы то ни было, они составляли ничтожную часть российского населения, чьи идентификационные искания мало кого задевали. Ситуацию определили вовсе не они.

Что же лежало в основе противоречивых «настроений 1914 года» в России? Соединение неуверенности и страхов за собственные судьбы, вылившееся в агрегированное состояние ужаса неизвестности и обернувшееся поиском «точки опоры» в лице ближайшего источника силы? В принципе, навязываемая образованным обществом суррогатная идеология фобийного происхождения могла реактивировать утопические пласты народного сознания. Ресентимент мирных лет способствовал тому, что к 1914 г. в массах пробудилось агрессивное, глубоко архаичное начало, скрашенное «оптимистическим» эсхатологизмом. Но двинуть его в сторону роста подлинной гражданственности вряд ли было возможно. В расколоте патерналистском пространстве произошло нечто противоположное — разрушение всего того, что не оправдало доверия и обернулось крахом надежд. В результате выгорания прежних позитивных ценностей и неспособности отыскать новые образ внешнего врага переместился внутрь страны. Неуклонный рост бунтарских акций в городах [Булдаков 2014г: 82–97] стал провозвестником грядущей социальной смуты.

Исторический самообман обходится дорого. «Оптимистическая эсхатология» легко приобретает революционную перверсию.

Во всяком граждански недоразвитом обществе «коммуникативный разум» подавляется своего рода «коммуникативным инстинктом» — пугливым, подозрительным и истеричным. Если вспомнить Н. Бердяева, то в людях просыпается «вечно бабье». Из такого поклонения перед идолом государственности мог родиться только «бабий бунт». Выросшая из войны русская революция — и стала его подобием. Она началась с бабьих бунтов в феврале 1917 г. и закончилось чисто женским смирением перед нерассуждающей силой большевизированных толп в Октябре. И тот же самый синдром сказывается на нашем нынешнем нервном восприятии прошлого.

А.К. 1915. *Отзвуки войны. Сборник стихов.* — Пг.

Аксенов В.Б. 2012. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: Архетипы, слухи, интерпретации. — *Российская история.* — № 4.

Алпеев О.Е. 2013. Стратегические планы Великих держав в военно-публицистической литературе последней четверти XIX – начала XX века. — *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы.* — М.

Альбом героев войны. 1914. — № 1.

Андреев Л.Н. 1914. *В сей грозный час. Статьи.* — Пг.

Андреева-Бальмонт Е.А. 1996. *Воспоминания.* — М.

Антонов Б.И. 2014. *Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни.* — М.

Арский В. 1923. В Петрограде во время войны (Из воспоминаний). — *Красная летопись.* — № 7.

Белогурова Т.А. 2006. *Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914–1917).* — Смоленск.

- Беляев В.А. 1915. Национализм, война и христианство. — *Христианское чтение. Ежемесячный журнал, издаваемый при Императорской Петроградской духовной академии.* — Июль–август.
- Беляев И.Т. 2010. *Записки русского изгнанника.* — СПб.
- Бердяев Н. 1914. Империализм священный и империализм буржуазный. — *Биржевые ведомости.* — 5 ноября.
- Бердяев Н. 1990. *Судьба России.* — М.
- Биржевые ведомости.* — 1914. — 18 июля.
- Биржевые ведомости.* — 1914. — 30 октября.
- Блиох И.С. 1893. *Будущая война, ее экономические причины и последствия.* — СПб.
- Блиох И.С. 1894. *Экономические затруднения в среднеевропейских государствах в случае войны.* — СПб.
- Богданович Б. 2014. *Братья по оружию.* — М.
- Богомоллов Н.А. 2013. Неосуществленный цикл О.Э. Мандельштама и журнальная полемика 1915 г. — *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы.* — М.
- Богословский М.М. 2011. *Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея.* — М.
- Борщукова Е.Д. 2013. *Эволюция патриотических настроений в России в годы Первой мировой войны (на материалах Петрограда).* — СПб.
- Булгаков С. 1914. Русские думы. — *Русская мысль.* — № 12.
- Булдаков В.П. 2010. *Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ.* — М.
- Булдаков В.П. 2014а. *Война и исламофобия в России, 1914–1916. — Первая мировая война в «восточном измерении».* — М.
- Булдаков В.П. 2014б. *Первая мировая война и российская ориентофобия. — Труды Института истории НАН Азербайджана. Материалы международной научной конференции «Первая мировая война и Азербайджан».* — № 48, 49, 50. — Баку.
- Булдаков В.П. 2014в. *Пир во время чумы? Деморализация российского общества в предреволюционную эпоху: причины и следствия (1914–1916 годы).* — *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология.* — Т. 13. — Вып 8: История.
- Булдаков В.П. 2014г. *Первая мировая война и городское бунтарство в России: 1914–1916 гг. — Петербургский исторический журнал.* — № 2.
- Буше А. 1912. *Победоносная Франция в войне будущего.* — Варшава.
- В дни войны... 1916. *В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени.* — № 23-24. — 4 и 11 декабря.
- Великая война... 1915. *Великая война. Военный юмористический альманах.* — М.
- Великая война в образах... 1915. *Великая война в образах и картинах.* — М.
- Великая война России... 1914. *Великая война России за свободу и объединение славян. Сборник статей для школьных и народных библиотек.* — М.
- Верховский А.И. 2014. *Россия на Голгофе (из походного дневника 1914–1918 гг.).* — М.
- Вестник Европы.* — 1914. — № 8. — Август.
- Вестник Европы.* — 1914. — № 9. — Сентябрь.
- Вестник Европы.* — 1914. — № 10. — Октябрь.
- Вестник Европы.* — 1914. — № 11. — Ноябрь.
- Вестник Европы.* — 1914. — № 12. — Декабрь.
- Вестник кинематографии.* — 1914. — № 100. — 15 октября.

- Взыскующие града... 1997. *Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А.С. Аскольдова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, В.Ф. Эрн и др.* — М.
- Виноградов П.Г. 2010. *Избранные труды.* — М.
- Владиславлев И.В. 1915. *Русская литература о войне 1914 г. (Библиографический указатель).* — М.
- Война. Петроград.* — 1914. — № 5.
- Война и герои... 1914. *Война и герои. Доблестному воинству русскому и союзному посвящается этот журнал.* — Пг. — № 1.
- Волошин М. 1991. Франция и война. — *Автобиографическая проза. Дневники.* — М.
- Вопросы мировой войны... 1915. *Вопросы мировой войны.* — Пг.
- ГА РФ. — *Государственный архив Российской Федерации.*
- Гессен С.И. 1915. Идея нации. — *Вопросы мировой войны.* — Пг.
- Гинсбург С.С. 1963. *Кинематография дореволюционной России.* — М.
- Гиппиус З. 1982. *Петербургские дневники.* — М.
- Гиппиус З. 1996. *Опыт свободы.* — М.
- Гобсон Дж. 2009. *Империализм.* — М.
- Голос Москвы.* — 1914. — 16 октября.
- Гращенкова И.Н. 2005. *Кино Серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф Русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов.* — М.
- Гулевич А. 1898. *Война и народное хозяйство.* — СПб.
- Дадамян Г.Г. 2000. *Театр в культурной жизни России (1914–1917 гг.).* — М.
- Данилов Ю.Н. 1924. *Россия в мировой войне 1914–1915 гг.* — Берлин.
- Деникин А.И. 1991. *Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917.* — М.
- Джигит (Баку).* — 1916. — № 2. — 17 января.
- Джигит (Баку).* — 1916. — № 4. — 31 января.
- Джунковский В.Ф. 1997. *Воспоминания. Т. 2.* — М.
- Доклад комиссии по выяснению... 1915. *Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности.* — М.
- Долгоруков П.Д. 1964. *Великая разруха.* — Мадрид.
- Друг пахаря. Двухнедельный журнал по сельскому хозяйству и землеустройству.* Саратов. — 1915. — № 1. — 15 января.
- Друцкой-Соколинский В.А., кн. 2010. *На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918.* — М.
- Дурново П.Н. 1922. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича. — *Красная новь.* — № 6 (10).
- Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. 1999. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия. — *Россия и Первая мировая война.* — СПб.
- Енисейские епархиальные ведомости.* — 1914. — 1 октября.
- Жиффар П. 1913. *Адская война. Фантастический роман. С 180 иллюстрациями худ. А. Робида.* — СПб.
- Журнал «Война».* — 1914. — Пг. — № 1.
- Журнал «Война».* — 1914. — Пг. — № 15.
- Залевски М. 2008. Немецкое общество и начало Первой мировой войны. — *Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.* — М.
- Записки сестры милосердия... 2014. *Записки сестры милосердия Анны Ждановой.* — Тверь.

- Звонарев К.К. 2003. *Агентурная разведка. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг.* Кн. 2. — М.
- Земский феномен... 2001. *Земский феномен. Политологический подход.* — Саппоро.
- Иванов А. 1993. *Студенты в окопах.* — Родина. — № 8–9.
- Ильин И.А. 1995. *Родина и мы.* — Смоленск.
- Ильин И.А. 1999. *Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938).* — М.
- Инсаров Н. 1914. Почему началась война. — *Трезвая жизнь.* — № 10–11. — Октябрь–ноябрь.
- Исламов и др. 2008. Исламов Т.М., Хаванова О.В., Романенко С.А., Ненашева З.С. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны. — *Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.* — М.
- Каннегисер Л. 1914. Гимн. Из Виктора Гюго. — *Северные записки.* — Октябрь–ноябрь.
- Кафенгауз Л.Б. 1994. *Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.)*. — М.
- Кафка Ф. 2009. *Дневники. Письма к Фелиции.* — М.
- Киган Дж. 2002. *Первая мировая война.* — М.
- Колоницкий Б.И. 2010. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. — М.
- Кораблев В. 1914. Червонная Русь. — *Славянские известия.* — № 13.
- Крусанов А.В. 2010. *Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. В 3 т.* — Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. — М.
- Кузьмичев И.С. 2000. *А.А. Ухтомский и В.А. Платонова. Эпистолярная хроника.* — СПб.
- Купцова И.В. 1996. *Художественная интеллигенция России (Размежевание и исход).* — СПб.
- Леонтьева Т.Г. 2002. *Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв.* — М.
- Кирьянов Ю.И. 2001. *Правые партии в России. 1911–1917.* — М.
- Марков О.Д. 2011. *Армия и флот России 1914–1917 гг. (состав, организация, довольствие).* — СПб.
- Милюков П.Н. 2001. *Воспоминания.* — М.
- Мионов В.В. 2011. *Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии.* — Тамбов.
- Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии.* — 1914. — № 9.
- Мишагин-Скрыдлов А.Н. 2007. *Россия белая, Россия красная. 1903–1927.* — М.
- Монастырев Н.А. 2010. *Записки морского офицера. — Честь офицеров. Записки и дневник участников Белого движения.* — М.
- Московские ведомости.* — 1914. — 23, 25 июля.
- Ненюков Д.В. 2014. *От Мировой до Гражданской войны. Воспоминания. 1914–1920.* — М.
- Никон [Рклицкий], арх. 2004. *Митрополит Антоний [Храповицкий] и его время. 1863–1936.* Кн. 2. — Нижний Новгород.
- Никулин В. 1942. *Записки театрального директора.* — Нью-Йорк.
- Новое время.* — 1914. — 19 октября.
- Новое звено.* — 1914. — № 34. — 16 августа.
- Новое звено.* — 1914. — № 39. — 20 сентября.
- Новое звено.* — 1914. — № 47. — 15 ноября.
- Новорусский М.В. 1915. *Война и новые отрасли русской промышленности. — Вопросы мировой войны.* — Пг.

- Огонек*. — 1914. — № 32. — 10 (23) августа.
Огонек. — 1914. — № 33. — 17 (30) августа.
Огонек. — 1914. — № 34. — 24 августа (6 сентября).
Огонек. — 1914. — № 35. — 31 августа (13 сентября).
Огонек. — 1914. — № 37. — 14 (27) сентября.
Огонек. — 1914. — № 39. — 28 сентября (11 ноября).
Оздоровление России... 1915. *Оздоровление России. Журнал, посвящённый вопросам общественной гигиены и санитарии*. — № 1.
Озеров И.Х. 1915. *На Новый путь! К экономическому освобождению России*. — М.
Первая мировая... 2014. *Первая мировая: взгляд из окопа*. — М.; СПб.
Петров А. 1914. *Кровавый призрак или как Вильгельм делал смотр чертям*. — М.
Петроградская газета. — 1914. — 5 октября.
Петроградские ведомости. — 1914. — 12 сентября.
Письма с войны... 2015. *Письма с войны 1914–1917*. — М.
Плотников Н., Колеров М. 2010. «Победить в себе внутреннего немца». Русская национально-либеральная философия войны (1914–1917). — *Россия и Германия в XX веке*. Т. 1. — М.: АИРО-XXI.
Попов А.А. 1999. Идеологические и культурные особенности деятельности Царскосельского лазарета № 17 и военно-санитарного поезда № 143. — *Первая мировая война: история и психология*. — СПб.
Поршнева О.С. 2010. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии. — *Российская история*. — № 2.
Прокопов А.Ю. 2008. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании. — *Война и общество в XX веке*. Кн. 1.
Прохорович А.В. 1914. *Новые песни о Вильгельме*. — М.
Пунин Н. 2000. *Мир светел любовью. Дневники. Письма*. — М.
Ратомский Н.А. 1915. *Как Вильгельм брал Варшаву*. — Пг.
Редигер А.Ф. 1999. *История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 2. — М.
Розанов В.В. 2000. *Последние листья*. — М.
Российский архив... 1999. *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв.* Вып. IX. — М.
Россия борется за правду... 1914. *Россия борется за правду*. — М.
Русские ведомости. — 1914. — 7 октября.
Русские ведомости. — 1914. — 12 октября.
Русский военный лубок... 1995. *Русский военный лубок. Ч. 1. Первая мировая война*. — М.
Руткевич А.М. 2012. *Идеи 1914 года*. — М.
Сазонов С.Д. 1991. *Воспоминания*. — М.
Санборн Д. 1999. Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему. — *Россия и Первая мировая война*. — СПб.
Саянский Л.В. 2014. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера. — *Великая война. 1914 г.* — М.
Свенцицкий А.Э. 1914. *За родину и право. Погибель Бельгии. Прусские зверства...* — М.
Северные записки. — 1914. — Август–сентябрь
Северные записки. — 1914. — Октябрь–ноябрь.
Семенов-Тянь-Шанский В. 1915. *О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии*. — Пг.
Семенова Е.Ю. 2004. *Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914 – нач. 1918 гг.)*. — Самара.

- Семенова Е.Ю. 2007. *Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний.* — Самара.
- Семенова Е.Ю. 2011. *Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.): Сборник документов и материалов.* — Самара.
- Семина Х.Д. 1963. *Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 г.г. Записки сестры милосердия Кавказского фронта.* Кн. 1. — Нью Мексико.
- Симаков В.И. 1915. *Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные.* — Пг.
- Совет министров Российской империи... 1999. *Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка).* — СПб.
- Соловьев С. 1914. *К войне с Германией.* — М.
- Спиридонова Л.А. 2013. Был ли Горький пораженцем? (По материалам публицистики эпохи Первой мировой войны). — *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы.* — М.
- Старцев В.И. 1999. Почтовая открытка как средство идеологической обработки населения в начале Первой мировой войны. — *Первая мировая война: история и психология.* — СПб.
- Струве П.Б. 1914а. Великая Россия и Святая Русь. — *Русская мысль.* — № 12.
- Струве П. 1914б. Ответ на «необходимое пояснение». — *Русская мысль.* — № 12.
- Тверские епархиальные ведомости.* — 1915. — 19 января. — № 3.
- Театр в карикатурах.* — 1914. — № 16. — 21 сентября.
- Театр в карикатурах.* — 1914. — № 17. — 9 октября.
- Теплиц Е. 1968. *История киноискусства. 1895–1927.* — М.
- Терешина Е.П. 2009. *Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.).* — Набережные Челны.
- Тихвинская Л.И. 2005. *Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917.* — М.
- Толстой И.И. 1997. *Дневник. 1906–1916.* — СПб.
- Травин П.А. 1914а. *Русские военные песни 1914 г.* — М.
- [Травин П.А.] 1914б. *Герои из народа. Рядовые чудо богатыри. Военные рассказы. Стихи и карикатуры.* — М.
- Трезвая жизнь.* — 1914. — № 10-11. — Октябрь–ноябрь.
- Тропов И.А. 1999. К вопросу о восприятии власти российской интеллигенцией накануне и в годы Первой мировой войны. — *Первая мировая война: история и психология.* — СПб.
- Тутолмин С.Н. 2003. Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914–1917. — *Нестор.* — № 6.
- Устав общества... 1915. *Устав общества под названием «Отечественный Патриотический Союз».* — М.
- Уткин А.И. 2002. *Первая мировая война.* — М.
- Утро России.* — 1914. — 15 октября, 4 ноября.
- Ухтомский А.А. 1996. *Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях.* — СПб.
- Фалькенгаузен [Л.]. 1911. *Большая современная война.* — Варшава.
- Фомин Г. 1916а. Война и народное творчество. — *В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени.* — № 1. — 3 июля.
- Фомин Г. 1916б. Народные развлечения. — *В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени.* — № 2. — 10 июля.
- Фробениус Г. 1915. *Роковой час Германской империи.* — М.

- Ханжонков А.А. 1937. *Первые годы русской кинематографии. Воспоминания.* — М.; Л.
- Цвейг С. 2004. *Вчерашний мир. Воспоминания европейца.* — М.
- Церковный вестник.* — 1914. — № 30. — 24 июля.
- Церковный вестник.* — 1914. — № 34. — 21 августа
- Церковный вестник.* — 1914. — № 35. — 28 августа.
- Церковный вестник.* — 1914. — № 36. — 4 сентября.
- Церковный вестник.* — 1914. — № 37. — 11 сентября.
- Церковный вестник.* — 1914. — № 39. — 25 сентября
- Церковный вестник.* — 1914. — № 44. — 30 октября
- Церковный вестник.* — 1914. — № 45. — 6 ноября.
- Церковный вестник.* — 1914. — № 47. — 20 ноября.
- Человек и война... 1997. Человек и война. «Круглый стол» учёных. — *Общественные науки и современность.* — № 4. — С. 152–167.
- Чириков Е.Н. 1992. О путях жизни и творчества. — *Лица. Библиографический альманах I.* — М.
- Чуковский К. 1991. *Дневник. 1901–1929.* — М.
- Шевелева О.В. 2009. «Немецкий вопрос» в годы Первой мировой войны (по материалам Тульской губернии). — *Сборник материалов V региональной научно-практической конференции.* — Тула.
- Шелер М. 1994. Человек и история. — Шелер М. *Избранные произведения.* — М.
- Шелер М. 1999. *Ресентимент в структуре моралей.* — СПб.
- Шелер М. 2007. *Философские фрагменты из рукописного наследия.* — М.
- Шухмин Х. 1914. *Как Вильгельм приснился коробочнику Никите.* — М.
- Эрн В.Ф. 1991а. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. — Эрн В.Ф. *Сочинения.* — М.
- Эрн В.Ф. 1991б. Идея катастрофического прогресса. — Эрн В.Ф. *Сочинения.* — М.
- Юнгер Э. 2000. *В стальных грозах.* — СПб.
- Angelow J. 2000. *Kalkül und Prestige: Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges.* — Köln; Weimar; Wien.
- Buldakov V.P. 2014. *Mass Culture and Culture of the Masses in Russia, 1914–22.* — *Cultural History of Russia in the Great War and Revolution, 1914–22. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions.* Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, and M. Stockdale. — Bloomington (IN): Slavica Publishers.
- Erste Weltkrieg... 2014. *Erste Weltkrieg 1914–1918. Der deutsche Aufmarsch in ein kriegerisches Jahrhundert.* Hrsg. M. Pohlmann, H. Potempa und T. Vogel. — München: Bucher Verlag.
- Ferguson N. 1998. *The Pity of War.* — L.
- Fleischhauer I. 1986. *Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russischer Kulturgemeinschaft.* — Stuttgart.
- Förster S. 1985. *Der doppelte Militarismus. Die Deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression (1890–1913).* — Wiesbaden; Stuttgart.
- Jahn H.F. 1995. *Patriotic Culture in Russia during World War I.* — Ithaca; London.
- Marcuis A.G. 1978. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany during the First World War. — *Journal of Contemporary History.* — Vol. 13. — No. 3.
- Mombauer A. 2002. *The Origins of the First World War: Controversies and Consensus.* — L.
- Schmid V. 2003. *Der "Erserne Kanzler" und die Generäle: Deutsche Rüstungspolitik in der Ära Bismarck (1871–1890).* — Paderborn u.a.
- State, Society, and Mobilization... 1997. *State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War.* — Cambridge.

Verhey J. 2006. *The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany*. — Cambridge.

Ziemann B. *War Experiences in Rural Germany. 1914–1923*. — Oxford; NY., 2007.